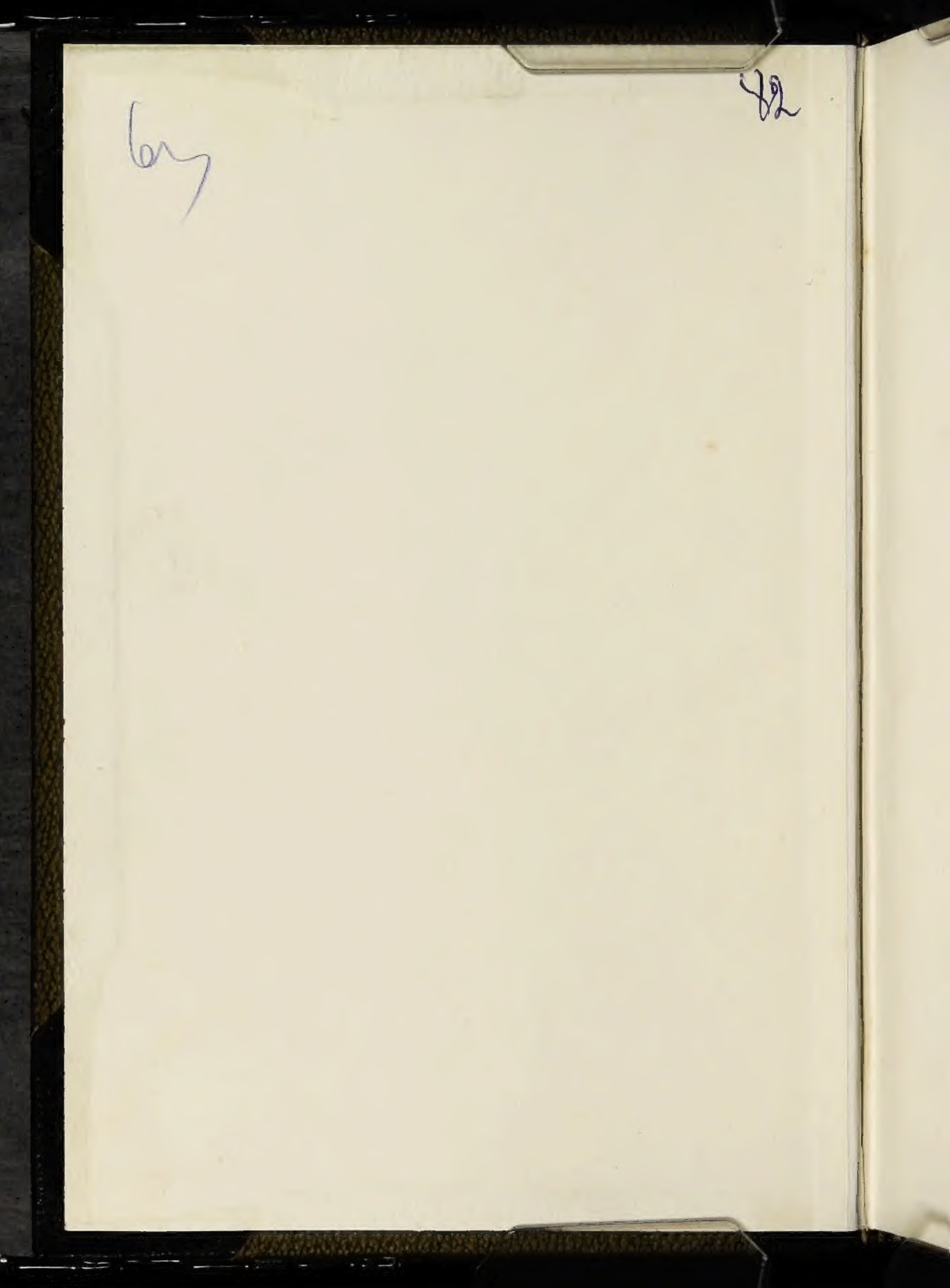
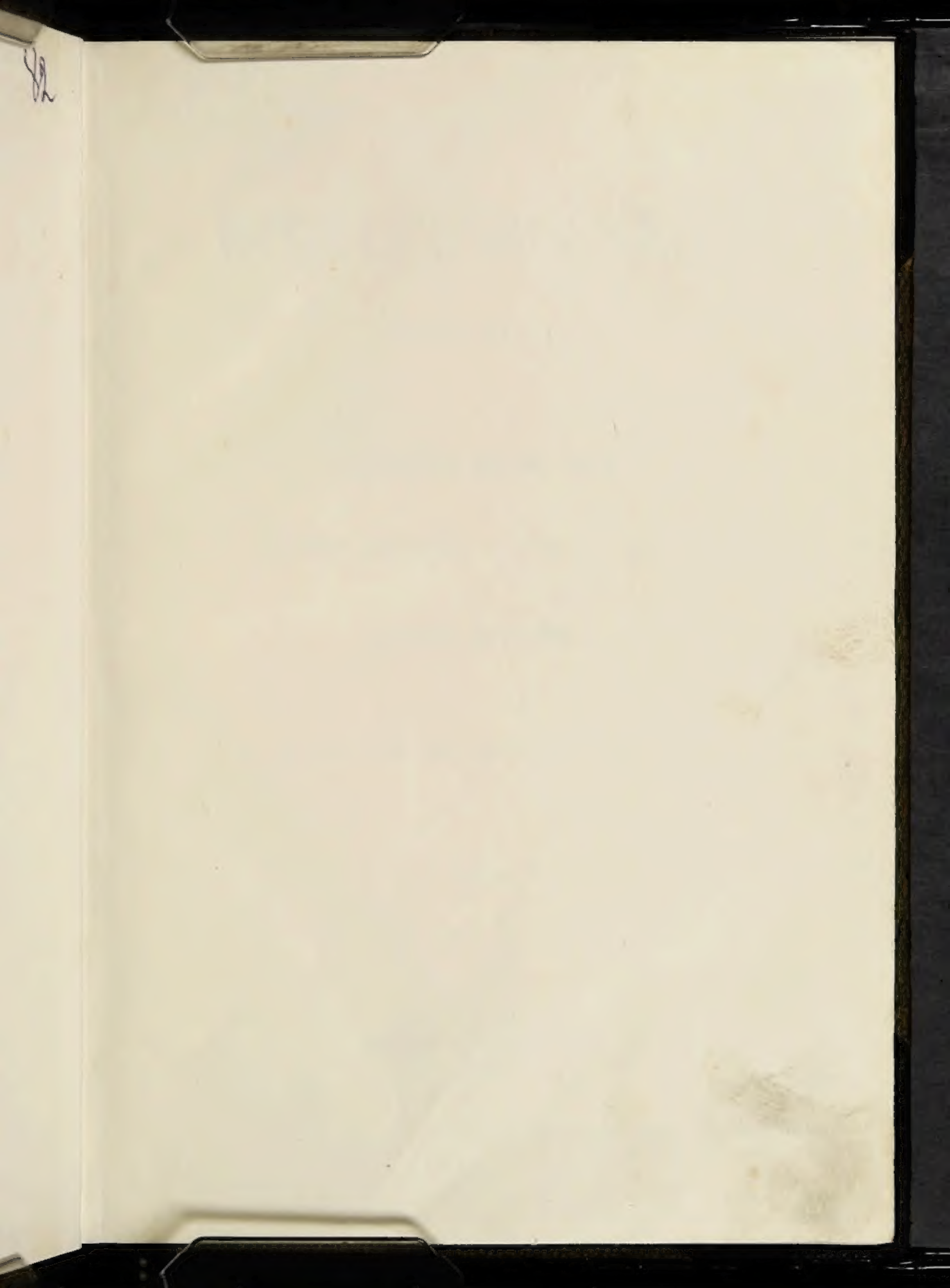

ПОЖАРЪ МОСКВЫ.

(1812 годъ).

ИСТОРИЧЕСКАЯ БЫТОВАЯ ПЬЕСА

въ 5-ти дѣйствіяхъ и 6-ти картинахъ

ЕВТИХІЯ КАРПОВА.

къ представленію дозволена 28-го августа 1903 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1903

ПОЖАРЪ МОСКВЫ.

(1812 годъ).

Дорогому Анатолию Евграфовичу Молчанову, на добрую память о свѣтлыхъ дняхъ нашей дружбы. Отъ автора.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БЫТОВАЯ ПЬЕСА

ВЪ 5-ТИ ДѢЙСТВІЯХЪ И 6-ТИ КАРТИНАХЪ

ЕВТИХІЯ КАРПОВА.

23/XI 03 Спб.

Къ представленію дозволена 28-го августа 1903 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1903

Дозволено цензурою 11 октября 1903 г. С.-Петербургъ

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

Посвящаю

Маріи Ильиничнѣ

Зилоти.

ДѢЙСТВІЕ I.

КАРТИНА I.

„ВОЕННЫЙ СОВѢТЪ ВЪ ФИЛЯХЪ“.

1-го сентября 1812 года, около 6 часовъ вечера.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь **Михаилъ Илларіоновичъ Кутузовъ-Голенищевъ.**
Генералъ **Барклай-де-Толли.**
Баронъ **Беннгсенъ.**
Генералъ **Дохтуровъ.**
Генералъ **Уваровъ.**
Графъ **Остерманъ.**
Генералъ **Коновницынъ.**
Генералъ **Раевскій.**
Генералъ **Ермоловъ.**
Генералъ-интендантъ **Ланской.**
Полковникъ **Кайсаровъ.**
Полковникъ **Толь.**
Полковникъ **Шнейдеръ.**
Корнетъ **Сибелевъ.**
Денщикъ.

Изба крестьянина Андрея Севостьянова въ Филяхъ. Въ задней стѣнѣ, посрединѣ, дверь въ сѣни; въ правой стѣнѣ — два окна; налѣво — печь. Въ переднемъ правомъ углу — кіотъ. По стѣнамъ — широкія лавки. Въ красномъ углу — столъ, около него лавки; слѣва, у стола,—походное кресло. На задней стѣнѣ, справа,— шкафчикъ; возлѣ него, ближе къ двери, висятъ шинель и фуражка князя Кутузова. На первомъ планѣ, у печки,—лохань, помело, ухватъ и кочерга, по стѣнѣ — полка съ посудой. На столѣ разложены планы позицій русскихъ и непріятельскихъ войскъ. Въ окна проникаютъ красноватые лучи заходящаго солнца, широкой полосой ложась по столу и полу. Во время дѣйствія они постепенно гаснутъ.

I.

Генералы **Барклай-де-Толли, Дохтуровъ, Уваровъ,** графъ **Остерманъ, Коновницынъ, Ермоловъ,** полковникъ **Кайсаровъ.**

Генералъ Барклай-де-Толли, блѣдный, съ лихорадочнымъ блескомъ глазъ, закутавшись въ шинель, сидитъ за столомъ, въ переднемъ углу, погруженный въ разсмотрѣніе плановъ. По правую руку его графъ Остерманъ тихо разговариваетъ съ стоящимъ около него полковникомъ Кайсаровымъ. Дохтуровъ, Уваровъ и Коновницынъ стоятъ, оживленно бесѣдуя, налѣво, на первомъ планѣ, у печки. Ермоловъ, взволнованный, озабоченный, шагаетъ изъ угла въ уголъ.

УВАРОВЪ [нервно, Дохтурову].

Вы развѣ не видите, что дѣлается въ войскахъ?.. Уныніе охватило солдатъ... Офицеры озлоблены... Тысячи раненыхъ тянутся по дорогѣ къ Москвѣ... Наше войско послѣ Бородинскаго сраженія еще не успѣло оправиться и устроиться... Вы изволили слышать, что сегодня на Поклонной горѣ докладывалъ полковникъ Кроссаръ свѣтлѣйшему о нашихъ по-

зиціяхъ?.. Онъ прямо сказалъ: «Невозможно выбрать удобнѣе позиціи для того, чтобы погубить армію»...

ДОХТУРОВЪ (горячо).

Я совсѣмъ не стою за то, чтобы мы приняли бой на занятой позиціи... Но у меня волосы становятся дыбомъ на головѣ, когда я только подумаю, что мы безъ выстрѣла уступимъ Москву непріятелю!..

КОНОВНИЦЫНЪ.

Свѣтлѣйшій просилъ сегодня утромъ графа Ростопчина, чтобы архіепископъ поднялъ изъ Москвы чудотворную икону Божіей Матери и окропилъ войско святой водой... Крестный ходъ подниметъ духъ арміи и воодушевитъ войско...

ЕРМОЛОВЪ (подходя къ нимъ).

Графъ Ростопчинъ на Поклонной сегодня говоритъ мнѣ: «Не понимаю: для чего усиливаетесь вы непремѣнно защищать Москву?.. Овладѣвъ ею, непріятель ничего не пріобрѣтетъ полезнаго. Принадлежащія казнѣ сокровища и все имущество вывезены; изъ церквей взяты драгоцѣнности: богатыя золотыя и серебряныя украшенія; спасены важнѣйшіе государственные архивы... Владѣльцы частныхъ домовъ укрыли лучшее имущество свое... Въ Москвѣ остается до пятидесяти тысячъ бѣднаго народа, не имѣющаго пріюта».

1*

ДОХТУРОВЪ.

И что вы отвѣтили ему, генералъ?

ЕРМОЛОВЪ.

Я сказалъ: «Ваше сіятельство видите во мнѣ исполнителя воли начальника, не допускающаго свободы разсужденій»...

КОНОВНИЦЫНЪ.

Хорошій урокъ ему, краснобаю...

ЕРМОЛОВЪ.

«Ежели безъ бою оставите вы Москву»,— съ горячностью сказалъ мнѣ Растопчинъ,— «то увидите ее за собою пылающей...»

КОНОВНИЦЫНЪ.

Мы уже слышали его росказни... Еще недавно онъ обѣщалъ намъ восемьдесятъ тысячъ ополченія прислать... но мы что-то ихъ до сей поры не видали.

II.

Тѣ же и полковникъ **Толь.**

ОСТЕРМАНЪ [Толю].

Еще не изволилъ прибыть баронъ Бенигсенъ... Скоро уже семь часовъ, а совѣтъ назначенъ въ четыре.

ТОЛЬ.

Баронъ объѣзжаетъ позиціи лѣваго крыла нашей арміи.

ЕРМОЛОВЪ [насмѣшливо].

У себя на постели, послѣ сытнаго обѣда...

Неловкое молчаніе.

Толь проходитъ въ глубину, къ печкѣ, Ермоловъ подходитъ къ нему.

ЕРМОЛОВЪ [тихо Толю].

Старикъ все грѣется на солнышкѣ?..

ТОЛЬ.

Свѣтлѣйшій съ дѣдушкой Андреемъ бесѣдуетъ... [Прислушиваясь]. Да вотъ и онъ идетъ...

III.

Тѣ же и князь **Кутузовъ.**

Тяжелой походкой, съ опущенной головой, входитъ князь Кутузовъ. Всѣ встаютъ.

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ [подходя къ креслу].

Прошу садиться, господа! Бенигсенъ ѣдетъ... [Обращаясь къ Кайсарову]. Кого еще нѣтъ, полковникъ?

КАЙСАРОВЪ.

Генераловъ Раевскаго и Милорадовича, ваша свѣтлость...

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ.

Они подъѣдутъ... Пора начинать...

IV.

Тѣ же и Бенигсенъ.

БЕНИГСЕНЪ [быстро входя].

Прошу извинить, ваша свѣтлость... [Кланяясь князю Кутузову]. Съ утра не слѣзалъ съ коня... [Здоровается небрежно съ генералами и занимаетъ мѣсто на скамьѣ, по лѣвую сторону князя Кутузова].

Князь Кутузовъ, опустивъ голову, закрывъ глаза, сидитъ, глубоко задумавшись.

[Молчаніе].

БЕНИГСЕНЪ [посмотрѣвъ на князя Кутузова, затѣмъ вопросительно обведя глазами генераловъ и понюхавъ табаку, начинаетъ говорить громко и увѣренно].

Итакъ, я позволяю себѣ, господа, предложить вопросъ: выгоднѣе ли сразиться подъ стѣнами священной Москвы или оставить ее непріятелю?.. Сраженіе подъ Москвой...

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ [быстро поднимаетъ голову и рѣзко прерываетъ Бенигсена].

Вопросъ вашъ, баронъ, по меньшей мѣрѣ, неумѣстенъ!.. Положеніе слишкомъ серьезно, чтобы рѣшать его наобумъ, не сообразуясь съ обстоятельствами дѣла. Участь не только арміи, Москвы, но всей Россіи зависитъ отъ рѣшенія сего вопроса!..

БЕНИГСЕНЪ [обиженно].

Извините, князь... я очень знаю... но я желалъ...

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ [горячо].

Армія ввѣрена государемъ мнѣ!.. Прошу того не забывать!..

Молчаніе.

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ [спокойнѣе].

Позиція наша на Воробьевыхъ горахъ, выбранная барономъ Бенигсеномъ, крайне невыгодна...

БЕНИГСЕНЪ [перебивая].

Я позволяю себѣ возразить...

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ.

Я не окончилъ, генералъ... Позиція никуда не годна... Многія дивизіи разобщены непроходимыми оврагами... Въ одномъ глубокомъ оврагѣ рѣчка...

БЕНИГСЕНЪ.

Да... Но маленькая рѣчка...

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ [возвышая голосъ].

Рѣчка, прерывающая всякое сообщеніе... Наше правое крыло примыкаетъ къ лѣсу. Оно тянется на десятки верстъ къ сторонѣ непріятеля... Бонапартъ, пользуясь превосходствомъ своихъ стрѣлковъ, займетъ лѣсъ и обойдетъ насъ съ праваго фланга. Позади первой линіи праваго крыла — оврагъ, съ крутыми скатами, саженъ пятнадцать глубиною... Движеніе артиллеріи невозможно... По-одиночкѣ пѣхота едва проберется... Резервъ праваго

крыла стоитъ такъ близко, что непріятельскія ядра могутъ поражать всѣ наши четыре линіи. А резервъ лѣваго крыла, отрѣзанный отъ боевой линіи глубокимъ оврагомъ, будетъ только смотрѣть на пораженіе впереди стоящихъ войскъ. Поддержать ихъ онъ не можетъ... Пѣхота, правда, могла бы стрѣлять въ непріятеля... но она неминуемо будетъ поражать своихъ... Быть можетъ, это хорошо на планѣ, но невыгодно.

БЕНИГСЕНЪ [обиженно].

Да, ежели вы, князь, желаете шутить...

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ [не обращая вниманія на Бенигсена, продолжаетъ].

Конница лишена также возможности принять участіе въ бою... Она немедленно должна обратиться въ бѣгство, либо оставаться въ бездѣйствіи до полнаго уничтоженія ея непріятельской артиллеріей...

БЕНИГСЕНЪ [про себя].

О, какой вздоръ!..

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ.

Позиція простирается почти на четыре версты... Армія, ослабленная Бородинской битвой, растянута подобно паутинѣ...

БЕНИГСЕНЪ.

Зачѣмъ тутъ паутина?..

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ.

Позади позиціи Москва-рѣка... За ней городъ съ узкими улицами и переулками. Спуски къ восьми мостамъ, построеннымъ на судахъ выше и ниже города, такъ круты, что только пѣхота можетъ сойти по нимъ. Ежели непріятель опрокинетъ наши передовыя линіи,—вся армія будетъ уничтожена до послѣдняго человѣка... Пока цѣла армія, есть надежда съ честью окончить войну. Съ потерей арміи не только Москва,—вся Россія будетъ потеряна... Въ силу сихъ соображеній, я предлагаю совѣту вопросъ: ожидать ли непріятеля на выбранной позиціи, или оставить Москву?..

Глубокое молчаніе.

Бенигсенъ, видимо обиженный, смотритъ на князя Кутузова съ иронической улыбкой.

КОНОВНИЦЫНЪ.

Надо идти на встрѣчу непріят...

БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ [встаетъ и нервно перебиваетъ Коновницына].

Я полагаю, что на занятой позиціи бой нельзя принять... Я самолично расположеніе нашихъ войскъ подробно осмотрѣлъ. Позиція неудобна. Ожидать на ней непріятеля опасно. Побѣдить его сомнительно. Наполеонъ бо̀льшими силами располагаетъ, чѣмъ мы. Со времени Бородинскаго сраженія наши войска потерпѣли значительныя потери, особенно въ офицерахъ и

генералахъ... Хотя бы намъ и удалось мѣсто сраженія удержать, мы значительный уронъ понесемъ. Съ оставшимися силами защитить обширную Москву нельзя. Ежели же мы разбиты будемъ, то все, что достанется непріятелю на мѣстѣ сраженія, будетъ имъ уничтожено при нашемъ отступленіи черезъ Москву.

ДОХТУРОВЪ.

Развѣ возможно говорить еще объ отступленіи?!.

БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ.

Конечно, потеря Москвы произведетъ тяжелое впечатлѣніе на государя, но не будетъ для него неожиданностью. Она не вынудитъ его заключить миръ. Рѣшительная воля государя—съ твердостью продолжать войну. Сохранивъ Москву, Россія не избавитъ себя отъ войны, жестокой и разорительной. Сохранивъ армію, она можетъ продолжать войну. Единственное средство спасти отечество — оставить безъ боя Москву и отступить на Владимірскую дорогу, дабы сохранить сообщеніе съ Петербургомъ.

ДОХТУРОВЪ [съ досадой].

Легко сказать: оставить Москву!..

ГРАФЪ ОСТЕРМАНЪ [хладнокровно].

А что же дѣлать, по вашему мнѣнію, генералъ?

ДОХТУРОВЪ [горячо].

Перейти въ наступленіе и разбить непріятеля!

ГРАФЪ ОСТЕРМАНЪ.

А ежели Наполеонъ насъ разобьетъ?..

КОНОВНИЦЫНЪ.

Ну, это вилами на водѣ писано!..

ГРАФЪ ОСТЕРМАНЪ.

Ну, а ежели?..

ДОХТУРОВЪ.

Безъ риска никакая война невозможна, сколько бы ни писали реляцій, ни чертили плановъ...

ЕРМОЛОВЪ.

Въ полѣ не на бумагѣ... Всѣ перепутаются...

БАРОНЪ БЕНИГСЕНЪ [вставая].

Я задаю вопросъ: хорошо ли сообразили послѣдствія, которыя повлечетъ за собою оставленіе Москвы, древней столицы имперіи? Какія потери казна и множество частныхъ лицъ понесутъ?.. [Съ возрастающимъ пафосомъ]. Подумали ли, что будутъ говорить крестьяне, общество, весь народъ?..

ДОХТУРОВЪ.

Всѣхъ охватятъ ужасъ и уныніе!

Кутузовъ сидитъ съ опущенной головой, закрывъ глаза, какъ бы дремлетъ.

БАРОНЪ БЕНИГСЕНЪ.

Какое вліяніе ихъ мнѣнія могутъ имѣть на продолженіе войны?..

ГРАФЪ ОСТЕРМАНЪ.

Полагаю,—никакого.

БАРОНЪ БЕНИГСЕНЪ [не слушая его].

Наконецъ, подумали ли объ опасности провести черезъ городъ войска съ артиллеріей въ короткое время, когда непріятель преслѣдуетъ насъ по пятамъ?!.. [Съ пафосомъ]. Подумали ли о стыдѣ оставить непріятелю древнюю, священную столицу безъ выстрѣла?..

ДОХТУРОВЪ.

Ужасно... Невыносимо стыдно!..

БАРОНЪ БЕНИГСЕНЪ.

Я спрашиваю, будетъ ли послѣ того Россія вѣрить, что мы выиграли Бородинское сраженіе, какъ то было обнародовано, если послѣдствіемъ его будетъ оставленіе Москвы? Не докажемъ ли мы тѣмъ, что его потеряли?.. Какое произведетъ сіе впечатлѣніе на иностранные дворы... и вообще въ чужихъ краяхъ?.. Должно же наше отступленіе имѣть границы!.. [Посмотрѣвъ съ ироніей на дремлющаго кн. Кутузова]. И потомъ я не вижу поводовъ думать, что мы непремѣнно разбиты будемъ... Потеряемъ всю артиллерію... Сіе ничѣмъ не доказано, и судить о томъ теперь преждевременно.

ЕРМОЛОВЪ [сурово бурчитъ].

А когда разобьютъ, будетъ уже поздно...

БАРОНЪ БЕНИГСЕНЪ.

Послѣ Бородина мы получили подкрѣпленія, а непріятель получить ихъ не могъ... Я спрашиваю, развѣ наши войска будутъ лучше устроены, оставивъ непріятелю Москву?..

БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ.

Внѣ сомнѣнія, — будутъ...

БАРОНЪ БЕНИГСЕНЪ [съ пафосомъ].

Я думаю, — мы остались такими же русскими, которые всегда дрались съ примѣрною храбростью!..

ЕРМОЛОВЪ [про себя].

Ты-то, навѣрно, остался нѣмцемъ.

БАРОНЪ БЕНИГСЕНЪ.

Ежели мы въ сраженіи 26-го августа понесли большія потери, то не меньшія понесъ и непріятель. Ежели наша армія разстроена послѣ Бородина, то и непріятельскія войска порѣдѣли и разстроены.

ДОХТУРОВЪ.

Послѣ Бородина они не скоро поправятся... Хорошую баню имъ задали!.. Будутъ помнить!..

ГРАФЪ ОСТЕРМАНЪ [холодно, отчеканивая каждое слово].

Можно рѣшиться на защиту Москвы, ежели вы, баронъ, поручитесь, что мы одержимъ побѣду на выбранной вами позиціи?

БАРОНЪ БЕНИГСЕНЪ [раздраженно].

Отъ одного человѣка того невозможно требовать. Побѣда зависитъ отъ храбрости солдатъ... [съ ироніей] и умѣнья генераловъ, графъ!..

ДОХТУРОВЪ.

Совершенно правильно!

За сценой слышенъ топотъ лошади, осаженной у крыльца.

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ [поднимая голову].

Вѣроятно, Раевскій...

V.

Тѣ же, полковникъ **Шнейдеръ,** потомъ **Сибелевъ.**

ШНЕЙДЕРЪ [входя, докладываетъ].

Адъютантъ генерала Винценгероде съ донесеніемъ къ вашей свѣтлости...

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ.

Пусть войдетъ.

Шнейдеръ уходитъ.

Входитъ Сибелевъ и подаетъ пакетъ Кутузову.

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ [разрывая пакетъ].

Подать свѣчей!

Денщикъ приноситъ двѣ сальныхъ свѣчи въ желѣзныхъ подсвѣчникахъ, ставитъ на столъ передъ Кутузовымъ и уходитъ.

Князь Кутузовъ читаетъ.

Напряженное молчаніе.

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ [Сибелеву].

Скачи, голубчикъ, къ генералу Винценгероде и скажи, чтобы онъ неусыпно слѣдилъ за движеніемъ непріятеля и немедля обо всемъ доносилъ мнѣ...

СИБЕЛЕВЪ.

Слушаю, ваша свѣтлость... [Уходитъ].

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ [со сдержаннымъ волненіемъ].

Я получилъ донесеніе, что непріятельскіе корпуса идутъ въ обходъ нашихъ фланговъ. Корпусъ вице-короля — на Рузу и Понятовскаго—на Калужскую дорогу... Сообщеніе весьма важное...

БАРОНЪ БЕНИГСЕНЪ [торопливо и тревожно].

О, да... очень важное!... Въ виду сего, я предлагаю перевести всѣ войска на лѣвое крыло и двинуться навстрѣчу непріятелю, ослабленному отдѣленіемъ двухъ корпусовъ...

ДОХТУРОВЪ [горячо].

Мы разобьемъ его теперь на голову!..

БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ.

Я полагаю, неосмотрительно...

КОНОВНИЦЫНЪ.

И надъ оврагами сидѣть не велика радость!..

ЕРМОЛОВЪ.

Вы, баронъ, сами выбрали позицію, а теперь покидать ее хотите.

Дохтуровъ, Барклай-де-Толли, Коновницынъ, Ермоловъ и Бенигсенъ говорятъ почти въ одно время, перебивая другъ друга; видимо, что сообщеніе Винценгероде произвело на нихъ сильное впечатлѣніе.

БАРОНЪ БЕНИГСЕНЪ.

При нашемъ наступленіи, Наполеонъ долженъ будетъ притянуть къ себѣ посланные въ обходъ корпуса...

БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ.

О наступленіи надо было думать раньше и сообразно съ тѣмъ размѣстить войска!..

БАРОНЪ БЕНИГСЕНЪ [кипятясь].

Я не могъ святымъ духомъ знать, что онъ предприметъ!..

ГРАФЪ ОСТЕРМАНЪ.

Надо было предвидѣть...

БАРОНЪ БЕНИГСЕНЪ [съ сердцемъ].

Всего нельзя предвидѣть, графъ!.. Я и такъ...

БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ [нервно].

Когда я, баронъ, въ первый разъ объяснилъ вамъ невыгоды позиціи, время еще не было упущено... Теперь уже поздно!.. Ночью нельзя передвигать войска по непроходимымъ рвамъ...

ГРАФЪ ОСТЕРМАНЪ.

Мы и такъ все бродимъ во тьмѣ...

БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ.

Непріятель можетъ ударить на насъ прежде, нежели мы успѣемъ размѣстить войска на новыхъ позиціяхъ!

БАРОНЪ БЕНИГСЕНЪ [беря карту].

Но диспозиція не такъ трудна, какъ вамъ кажется... Первый корпусъ направляется...

БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ [горячо].

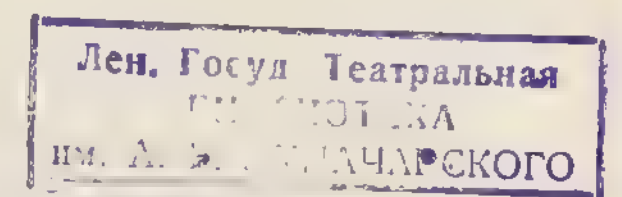
Наша армія, по храбрости ей сродной, можетъ сражаться въ позиціи и отразить сильнаго непріятеля, но не можетъ исполнять движенія въ виду непріятеля...

КНЯЗЪ КУТУЗОВЪ [насмѣшливо].

У насъ уже были примѣры... Мы до сихъ поръ помнимъ Фридландъ...

БАРОНЪ БЕНИГСЕНЪ [злобно].

Фридландъ!.. Фридландъ былъ неправильный бой... Противъ тактики...

ЕРМОЛОВЪ.

Колотятъ всегда противъ тактики.

БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ.

Русскіе не въ состояніи исполнить движеніе въ виду непріятеля!..

ДОХТУРОВЪ [задорно].

Съ русскими солдатами все возможно... Суворовъ и не то дѣлалъ!..

БАРОНЪ БЕНИГСЕНЪ.

Движеніе очень не сложно!.. Перейдя на лѣвое крыло...

БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ [перебивая].

Таковое движеніе разобщитъ насъ съ Калугой, Тулой, Рязанью и Владиміромъ...

БАРОНЪ БЕНИГСЕНЪ.

Оно прикрываетъ тѣ города!.. Взглянувъ на карту, генералъ, вы сами увидите... А въ случаѣ отступленія — намъ остается выбрать старую или новую Калужскую дорогу.

КОНОВНИЦЫНЪ.

Мы должны перейти въ наступленіе во что бы то ни стало! Армія разстроена болѣе бездѣйствіемъ, чѣмъ Бородинскимъ сраженіемъ. Я подаю мой голосъ за наступательное движеніе...

ДОХТУРОВЪ [пылко].

Мы обязаны передъ государемъ и родиной защищать Москву! Переведемъ войска на лѣвое крыло и ударимъ на непріятеля!.. Успѣхъ боя зависитъ не отъ позиціи, а отъ духа войскъ. Только русскому человѣку понятно, что онъ теряетъ съ потерей Москвы!..

БАРОНЪ БЕНИГСЕНЪ.

О, да, конечно!..

ДОХТУРОВЪ.

Мы покроемъ себя несмываемымъ позоромъ!

ГРАФЪ ОСТЕРМАНЪ.

Позорнѣй необдуманнымъ шагомъ проиграть всю кампанію...

VI.

Тѣ же и Раевскій.

РАЕВСКІЙ [входя].

Прошу простить, ваша свѣтлость. Я былъ въ аріергардѣ и только сейчасъ устроилъ войска... Милорадовичъ не можетъ отлучиться.

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ [апатично].

Я усталъ... Ермоловъ, будь добръ, передай генералу Раевскому, что мы здѣсь говорили...

РАЕВСКІЙ [беря Ермолова подъ руку].

Отойдемъ къ сторонкѣ, чтобы имъ не мѣшать... [Отходятъ налѣво, къ печкѣ, и тихо бесѣдуютъ].

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ [Уварову].

А ваше мнѣніе, генералъ?

УВАРОВЪ.

Я раздѣляю мнѣніе военнаго министра.

ПОЛКОВНИКЪ ТОЛЬ.

Я уже имѣлъ честь представить вашей свѣтлости свои соображенія о позиціи при Воробьевыхъ горахъ. Съ неминуемой потерей Москвы, наша армія подвергнется полному истребленію и потеряетъ всю артиллерію.

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ [Раевскому].

А ты что скажешь, Раевскій.

РАЕВСКІЙ [подумавъ].

Мое мнѣніе—оставить Москву безъ боя... «Россія не въ Москвѣ,—среди сыновъ она!»

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ.

А ты, Ермоловъ, не проронилъ ни слова?..

ЕРМОЛОВЪ.

Я бы атаковалъ непріятеля!

ДОХТУРОВЪ [про себя].

Иного мнѣнія не можетъ быть у русскаго человѣка, любящаго родину...

ЕРМОЛОВЪ.

Девятьсотъ верстъ безпрерывнаго отступленія нашей арміи не допускаетъ и мысли объ атакѣ. Внезапность наступленія произведетъ между непріятелями замѣшательство. И вашей свѣтлости, какъ искусному полководцу, предлежитъ тѣмъ воспользоваться...

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ [внезапно вспыливъ].

Ты говоришь такъ, Ермоловъ, потому, что не на тебѣ лежитъ отвѣтственность за цѣлость арміи и за исходъ войны!..

Неловкое, продолжительное молчаніе.

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ [глубоко взволнованный].

Съ потерей Москвы не потеряна еще Россія!.. Первой обязанностью поставляю себѣ сохранить армію и сблизиться съ тѣми войсками, которыя идутъ къ ней на подкрѣпленіе... Самымъ уступленіемъ Москвы приготовлю неизбѣжную гибель непріятелю! Посему я намѣренъ, пройдя Москву, отступить по Рязанской дорогѣ... Знаю, вся отвѣтственность обрушится на мою сѣдую голову, но я

жертвую собою для блага отечества... [Помолчавъ, встаетъ и говоритъ твердо]. Приказываю отступать!

Тяжелое молчаніе.

Дохтуровъ быстро встаетъ, спѣшно кланяется и уходитъ, раздосадованный; за нимъ, озабоченные, угрюмые, опустивъ глаза въ землю, одинъ за однимъ, ни слова не говоря, уходятъ остальные. Кутузовъ опускается въ кресло. Кайсаровъ стоитъ въ глубинѣ, у печки.

Тишина, только за печкой трещитъ сверчокъ; затѣмъ, мало-по-малу, во время послѣдующей сцены, въ отдаленіи еле слышатся сигнальные рожки, барабанный бой. По улицѣ проносится верховой; слышенъ скрипъ проѣзжающей телѣги. Князь Кутузовъ встаетъ и тревожно ходитъ по избѣ, затѣмъ садится къ столу и пишетъ. Запечатавъ пакетъ, передаетъ его Кайсарову.

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ.

Кайсаровъ, голубчикъ, передай пакетъ адъютанту Монтрезору и скажи, чтобы онъ сейчасъ же скакалъ къ графу Ростопчину... [Вслѣдъ ему]. Да попроси ко мнѣ генералъ-интенданта Ланского.

КАЙСАРОВЪ [уходя].

Слушаю, ваша свѣтлость. [Уходитъ].

Кутузовъ снова тревожно ходитъ по избѣ, погруженный въ думы.

VII.

Князь **Кутузовъ**, генералъ **Ланской** и **Кайсаровъ.**

ЛАНСКОЙ.

Изволили требовать, ваша свѣтлость.

Кутузовъ, не слыша, продолжаетъ ходить.

КАЙСАРОВЪ [помолчавъ].

Генералъ-интендантъ Ланской, ваша свѣтлость.

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ [думая о другомъ].

Надо... того... распорядиться продовольствіемъ...

ЛАНСКОЙ.

Куда мы идемъ, ваша свѣтлость?..

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ [разсѣянно].

Куда идемъ?.. Куда идемъ?.. Да... На Рязанскую дорогу...

ЛАНСКОЙ.

Трудно подвезти туда запасы, ваша свѣтлость... Они всѣ у Калуги...

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ [останавливаясь].

У Калуги... да?.. А въ Рязани ничего нѣтъ? [Ходитъ по избѣ].

ЛАНСКОЙ.

Ежели прикажете, будутъ, ваша свѣтлость... Жаль, ежели продовольствіе погибнетъ или не дойдетъ до насъ...

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ.

Не дойдетъ, говоришь?.. Я подумаю... подумаю... Приди ко мнѣ завтра, когда остановимся...

Ланской кланяется и уходитъ.

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ [опускаясь въ кресло и внезапно всхлипывая].

Что дѣлаемъ?!.. Боже мой, что дѣлаемъ... Подумать страшно... Москву французамъ покидаемъ!.. [Кладетъ голову на столъ и громко рыдаетъ].

VIII.

Тѣ же и полковникъ **Шнейдеръ.**

Шнейдеръ тихо входитъ; увидѣвъ рыдающаго Кутузова, молча останавливается у дверей.

ШНЕЙДЕРЪ [желая разсѣять Кутузова, говоритъ тихо, сочувствуя его горю].

Ваша свѣтлость, гдѣ же мы остановимся?

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ [поднимая голову].

А?.. Что ты?.. Что ты, голубчикъ?

ШНЕЙДЕРЪ.

Гдѣ мы остановимся, ваша свѣтлость?

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ [съ внезапнымъ сильнымъ раздраженіемъ, быстро встаетъ и ударяетъ кулакомъ по столу].

Это мое дѣло!.. Но, Богъ порукой, доведу я французовъ, какъ въ прошломъ году турокъ, — будутъ они жрать лошадиное мясо!...

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ II.

КАРТИНА II.

„ВЪ СЕМЬѢ БАХТИНЫХЪ“.

Вечеръ 1-го сентября 1812 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Пелагея Алексѣевна Бахтина, дворянка-помѣщица, вдова 60-ти лѣтъ.

Татьяна Ильинишна, ея дочь, дѣвушка, 20-ти лѣтъ.

Мадмуазель Жиго, гувернантка, старуха, лѣтъ 50-ти.

Сергѣй Павловичъ Сибелевъ, корнетъ гусарскаго полка, 23-хъ лѣтъ.

Аннушка, няня **Татьяны Ильинишны,** старушка лѣтъ 65-ти.

Климычъ, управитель-старикъ.

Семенъ, **Егоръ** — лакеи.

Груша, **Анисья** — горничныя.

Военный докторъ.

Раненые офицеры и солдаты.

Гостиная и залъ въ домѣ Бахтиныхъ, въ Москвѣ, на Арбатѣ. Направо, на второмъ планѣ,—дверь во внутреннія комнаты, налѣво, въ срединѣ,—дверь въ переднюю; въ средней стѣнѣ, между двумя колоннами, посрединѣ, — арка въ залъ. Въ аркѣ — стеклянная перегородка съ дверьми; черезъ арку виденъ обширный залъ, съ окнами, выходящими на улицу. Въ гостиной—тяжелая мебель краснаго дерева; на стѣнахъ картины въ золоченыхъ рамахъ; въ углахъ тумбы съ канделябрами. Направо, на первомъ планѣ, диванъ, большой круглый столъ и около него три кресла. У задней стѣны слѣва клавесины и стулъ. Направо отъ арки — ломберный столъ; надъ нимъ большое зеркало; на столѣ—двѣ свѣчи въ шандалахъ и посрединѣ часы; на полу коверъ. Въ залѣ, вдоль стѣнъ, разставлены стулья и скамьи; съ потолка, посрединѣ, спускается люстра; по стѣнамъ развѣшаны картины и портреты.

Около девяти часовъ вечера. — Въ гостиной, на кругломъ столѣ, горитъ масляная лампа, на клавесинахъ—двѣ восковыя свѣчи.—Въ залѣ темно; въ окна льется лунный свѣтъ, синеватыми полосами ложась по полу.—Въ комнатахъ господствуютъ полный порядокъ и чистота. — За окнами, на улицѣ, слышенъ шумъ ѣдущихъ экипажей, торопливые шаги двигающейся толпы, скрипъ телѣгъ, ржаніе лошадей.

I.

Бахтина, Таня и мадмуазель Жиго.

Бахтина—высокая, стройная старуха, съ выразительнымъ, энергичнымъ лицомъ, сохранившимъ слѣды прежней красоты, — сѣдая, съ живыми глазами, одѣтая въ темно-сѣрое платье, съ чепцомъ на головѣ,— сидитъ на диванѣ и щиплетъ корпію. Мадмуазель Жиго, худенькая, маленькая, живая старушка, причесанная съ буклями, въ темномъ платьѣ, сидитъ въ креслѣ около стола, читая книгу. Она, видимо, чѣмъ-то встревожена, но боится это обнаружить. По временамъ, закрываясь книгой отъ старухи Бахтиной, она повертываетъ голову и тревожно прислушивается къ звукамъ за окнами. Иногда нервно вздрагиваетъ и повертывается на креслѣ. За клавесинами сидитъ Таня, въ свѣтломъ платьѣ, и играетъ меланхолическую мелодію. Она—красивая брюнетка, имѣющая родственное сходство съ матерью. Такъ же,

какъ и мадмуазель Жиго, она боится выказать матери свою внутреннюю тревогу. Когда за окномъ звуки усиливаются, она, не переставая играть, заглядываетъ въ залъ. Отъ всей фигуры старухи Бахтиной вѣетъ спокойствіемъ и силой.

По открытіи занавѣса, проходитъ нѣсколько секундъ въ молчаніи. Шумъ кричащихъ на улицѣ голосовъ заглушаетъ звуки клавесинъ. M-lle Жиго вздрагиваетъ и повертывается на креслѣ.

БАХТИНА [взглянувъ на M-lle Жиго, спокойно].

Что это вы сегодня весь вечеръ на креслѣ вертитесь, мадмуазель?

M-LLE ЖИГО.

Мнѣ показалось... кричалъ кто-то...

БАХТИНА.

Извощики на улицѣ ругаются... Что за невидаль...

II.

Тѣ же и **Груша**.

Груша проворно выходитъ справа, мелькомъ взглядываетъ на Бахтину и подходитъ къ Танѣ.

ГРУША.

Я, барышня, принесла парное молоко... Пожалуйте кушать...

ТАНЯ [закрывая клавесины].

Мнѣ не хочется, Груша... Я потомъ...

ГРУША [боязливо взглянувъ на Бахтину и понизивъ голосъ].

Бѣлое атласное платье прикажете уклад...

БАХТИНА [подозрительно].

Что вы тамъ шушукаетесь?.. Терпѣть не могу...

ГРУША.

Я докладываю барышнѣ,—парное молоко принесла...

БАХТИНА.

Доложила и пошла вонъ!..

ГРУША [быстро уходя].

Слушаю-съ... [Уходитъ направо].

Молчаніе.

ТАНЯ [смотря въ залъ, грустно].

Какая чудная лунная ночь...

M-LLE ЖИГО.

Осень стоитъ сухая... Очень хорошая погода...

Молчаніе.

ТАНЯ.

Что-то теперь дѣлается у насъ въ Навлѣ?.. Воображаю, какъ хорошо тамъ... Я ужасно люблю осень въ деревнѣ... Лѣсъ весь золотой, задумчивый такой, грустный... Тишина... Я

осень люблю больше весны... [Спрашиваетъ, чтобы вызвать мать на разговоръ]. Вы, маменька, что больше любите: весну или осень въ деревнѣ?

БАХТИНА.

Я теперь все одинаково люблю... Мое время прошло... Да и въ молодости я сантиментовъ терпѣть не могла... да и некогда было заниматься природой. Меня по четырнадцатому году замужъ выдали... Я съ куклами въ домъ мужа переѣхала...

ТАНЯ [помолчавъ].

А вы очень любили папу, маменька?..

БАХТИНА.

Очень...

ТАНЯ.

А онъ въ васъ сильно влюбленъ былъ?..

БАХТИНА.

Онъ боготворилъ меня... [Перебивая сама себя]. Да что ты сегодня весь день съ глупостями ко мнѣ пристаешь, Таня... Отстань!..

Молчаніе.

Кукушка на часахъ кукуетъ девять.

БАХТИНА.

Кудай-то Аннушка запропастилась?.. За послѣдніе дни онѣ всѣ съ ума свихнулись... Ничего не помнятъ... Суются, какъ угорѣлыя кошки... Девять часовъ,—ужинать пора...

М-LLE ЖИГО [поспѣшно].

Я сейчасъ пойду скажу, madame...

БАХТИНА.

Да спросите, принесъ ли Климычъ афишу графа? Онъ въ городъ ходилъ... Я жду сегодня пріятныхъ вѣстей...

М-LLE ЖИГО [уходя].

Сейчасъ спрошу. [Уходитъ направо].

Молчаніе.

II.

Въ залѣ, справа, выбѣгаетъ Груша, на цыпочкахъ подходитъ къ среднему окну и смотритъ.

Таня заглядываетъ въ залъ.

БАХТИНА [спокойно].

Что тамъ такое? Кто тамъ?..

ТАНЯ.

Нѣтъ, маменька, ничего... Груша тамъ прошла...

БАХТИНА [громко].

Грушка!

Груша вздрагиваетъ и поспѣшно входитъ въ гостиную.

БАХТИНА.

Ты что тамъ шмыгаешь?

ГРУША [испуганно].

Ничего, сударыня... Меня Анна Кузьминишна послала на кухню спросить: готово ли кушанье?

БАХТИНА.

Ну и шла бы, куда послали... Нечего по окнамъ глаза пялить...

ГРУША.

Да я, сударыня...

БАХТИНА [прерывая, строго].

Ступай!

Груша уходитъ.

БАХТИНА [посмотрѣвъ на Таню].

А ты, Танюшка, что сегодня въ такой тревогѣ?

ТАНЯ.

Нѣтъ, маменька, я ничего...

БАХТИНА.

Поди-ка сюда... Сядь ко мнѣ поближе...

Таня подходитъ и садится на кресло.

БАХТИНА [посмотрѣвъ на нее].

И глазки у тебя сегодня грустные... Давно отъ Сережи письма не получала... Скоро самъ пріѣдетъ. Наши войска одержали подъ Бородинымъ побѣду надъ злодѣемъ. Теперь скоро его и совсѣмъ изъ предѣловъ Россіи со сра-

момъ выгонятъ... Кутузовъ—русскій человѣкъ, не чета нѣмцамъ, отступать не будетъ. Твой Сережа героемъ вернется съ войны... Потерпи, дѣтка!.. Немного осталось...

ТАНЯ [не смѣя поднять глаза на мать, опускаетъ голову].

Дай-то Богъ, мама...

БАХТИНА.

Не одна ты,—вся Россія терпитъ... Наше горе маленькое, проходящее... А ты подумай, дѣтка, каково народу-то цѣлому терпѣть муку и стыдъ... И отъ кого же?.. Отъ выскочки какого-то... отъ злодѣя Бонапартишки... Сколько крови, сколько слезъ материнскихъ горючихъ льется... Подумать страшно, Танюшка... Да недолго ему осталось царствовать... близокъ его конецъ... [Вспомнивъ]. Что-то m-lle Жиго пропала?.. Никуда ее послать нельзя... только за смертью и посылать...

Таня нервно вздрагиваетъ при послѣдней фразѣ Бахтиной.

БАХТИНА.

Ты нездорова, должно быть, Танюшка?

ТАНЯ.

Нѣтъ, маменька... что вы...

Въ залѣ мелькаютъ тѣни пробѣгающей туда и сюда прислуги.

БАХТИНА [смотря въ залъ].

Что они тамъ мечутся?.. Груша!.. Семенъ!.. Кто тамъ есть?..

ТАНЯ [быстро вставая].

Я, маменька, пойду позову...

БАХТИНА.

Сиди... Мнѣ надо корпію отнести да распорядиться кой-чѣмъ... [Неторопливо собираетъ корпію и уходитъ въ дверь направо. Таня, по уходѣ Бахтиной, быстро встаетъ и, ломая руки, съ волненіемъ ходитъ по комнатѣ].

ТАНЯ [останавливаясь и хватаясь съ отчаяніемъ руками за голову].

Господи, Всемогущій! Научи, что дѣлать?.. Какъ ей сказать?.. Какъ предупредить ее?..

III.

Таня и **Груша.**

Груша боязливо высовываетъ голову изъ дверей слѣва и осматриваетъ комнату.

ГРУША [шопотомъ].

Барышня!

ТАНЯ [быстро обертываясь].

Что ты, Груша?

ГРУША [съ тревогой].

Барышня-матушка, что на улицѣ-то дѣлается,—не приведи Богъ!..

ТАНЯ [нетерпѣливо].

Да говори же...

ГРУША.

Вся Москва поднялась уѣзжать, какъ одинъ человѣкъ... Бѣжитъ все,—кто куда... На Арбатѣ не пройти по улицѣ... По четыре-пять подводъ въ рядъ ѣдутъ... Вой, ревъ, плачъ несусвѣтный стоятъ... Подводъ не хватаетъ... Другъ отъ дружки рвутъ, дерутся... Одна женщина, дьяконица, говорятъ, среди дороги, на возу съ маленькимъ ребенкомъ сидитъ и во всю моченьку воетъ...

ТАНЯ.

Что съ ней сдѣлали?... Обидѣли?..

ГРУША.

Лошадь изъ повозки выпрягли... подъ архиву, говорятъ, какую-то... Не разобрала я... А раненыхъ!.. Матушка-барышня,—страсть глядѣть... У кого—голова, у кого—нога... Кто безъ руки... На улицахъ, у домовъ, лежатъ... Страсть эдакая, не приведи Богъ... Сейчасъ помереть, не вру...

ТАНЯ [содрогаясь].

Ну, хорошо... У насъ-то подводы увязаны?.. Тарантасы готовы?.

ГРУША.

Все, матушка-барышня, какъ вы приказали, сдѣлано... Все подъ сараями стоитъ... [Голоситъ, падая въ ноги]. Милая барышня, уговорите вы

маменьку!.. Хранцузъ, говорятъ, подъ самой Москвой стоитъ... Пропадемъ мы всѣ безъ остатку... Не видать намъ больше свѣту бѣлаго... [Увидавъ входящую Бахтину, испуганно]. Барыня!.. [Проворно убѣгаетъ въ дверь налѣво].

IV.

Таня, Бахтина и **М-llе Жиго.**

БАХТИНА [со спокойной веселостью].

Насилушку посла отыскала, Таня... Забилась въ диванную, въ уголъ, и сидитъ ни жива, ни мертва... Прочла, говоритъ, не утерпѣла, графскую афишу и языка лишилась отъ страху... Вотъ они и всѣ такіе, французы... Фанфаронишки!..

М-LLE ЖИГО.

Но я, madame...

БАХТИНА.

Да нечего оправдываться... Струсила... Таня, поди-ка сюда, прочти, что нашъ графъ пишетъ... Я очки въ своей комнатѣ забыла... Садится на диванъ]. Садитесь, мадмуазель... [Жиго, блѣдная, растерянная, опускается въ кресло].

ТАНЯ [подходитъ къ столу, беретъ афишу и читаетъ взволнованнымъ, прерывающимся отъ слезъ голосомъ].

«Я завтра рано ѣду къ свѣтлѣйшему князю, «чтобы съ нимъ переговорить, дѣйствовать

«и помогать войскамъ истреблять злодѣевъ...
«Станемъ и мы изъ нихъ духъ искоренять и
«этихъ гостей къ чорту отправлять...

БАХТИНА (насмѣшливо).

Это васъ напугало, мадмуазель?..

M-LLE ЖИГО [криво улыбаясь].

Но я, право, madame, ничего...

БАХТИНА [Танѣ].

Читай дальше...

ТАНЯ [читая].

Я прїѣду назадъ къ обѣду, и примемся за дѣло, додѣлаемъ и злодѣевъ отдѣлаемъ...»

БАХТИНА.

Молодецъ, графъ!.. Какого числа-то онъ афишу писалъ?..

V.

Тѣ же и **Аннушка.**

АННУШКА [входя справа].

Ужинъ, сударыня...

БАХТИНА [строго перебивая].

Погоди!.. Что лотошишь... Поспѣешь...

АННУШКА.

Слушаю-съ; виновата, сударыня.

БАХТИНА [Танѣ].

Такъ какого числа, Танюшка?..

ТАНЯ.

Тридцать перваго августа, мама...

БАХТИНА.

Вчера, стало быть... Завтра прочтемъ, какъ французъ ноги унесъ...

За окнами слышно, какъ проносится съ шумомъ и звономъ пожарная команда. Всѣ, кромѣ Бахтиной, вздрагиваютъ.

M-LLE ЖИГО [вскрикиваетъ].

Ахъ!.. Боже мой!..

БАХТИНА.

Чего вы сегодня все ахаете, мадмуазель?.. И Танюшу мою всю издергали своими ахами... Аннушка, что тамъ?

АННУШКА [подходитъ быстро къ окну и, возвращаясь, говоритъ спокойно].

Пожарные, сударыня, проѣхали... Надо быть, далеко гдѣ горитъ... Зарева ничуть не видать...

БАХТИНА.

Ну, вотъ видите... Чего всполошились?..

ТАНЯ [стараясь говорить спокойно].

Наши войска, стало быть, близко подъ Москвой стоятъ, маменька?

БАХТИНА.

Да, Танюшка, близко... А почему ты спрашиваешь?..

ТАНЯ.

Вотъ графъ пишетъ, что онъ утромъ уѣдетъ изъ Москвы къ князю, а къ обѣду назадъ вернется... стало быть, очень близко?..

БАХТИНА.

Да, вѣроятно...

ТАНЯ.

И французы тоже близко отъ Москвы!.. Какъ страшно!.. [Послѣ паузы]. А вдругъ они побѣдятъ...

БАХТИНА.

Кто они?..

ТАНЯ.

Да французы...

АННУШКА.

Оборони, Господи!..

БАХТИНА [строго].

Полно тебѣ вздоръ молоть, Таня... Того быть никогда не можетъ...

ТАНЯ [робко].

А почему, маменька?..

БАХТИНА.

Потому что на защиту Москвы весь народъ русскій поднимется... Кромѣ войскъ, од-

ного ополченія сто тысячъ въ поле выйдетъ... Москва вся, отъ мала до велика, вооружится... Самъ графъ поведетъ ополченіе на Три горы... Ты развѣ не читала, что графъ писалъ... Онъ человѣкъ государственный и горячій патріотъ... Онъ на вѣтеръ словъ ронять не станетъ... Французу въ Москвѣ не бывать!.. Войско разбить можно, а народъ не разобьешь... Мысли даже допустить не могу, чтобы злодѣй въ Москву вошелъ со своими поганцами... И зачѣмъ только ты такія глупости мнѣ говоришь?!.. Кругомъ кумушки охаютъ, да ахаютъ, да вздоръ разный мелятъ, ничего не зная,—вотъ онѣ и тебѣ въ голову страховъ набили!.. [Помолчавъ]. Пойдемъ-ка ужинать лучше... Поднимайтесь, мадмуазель... [Уходитъ направо; Жиго, какъ автоматъ идетъ за ней].

АННУШКА [удерживая Таню].

Барышня, милая, задержитесь на минуточку... что я скажу-то вамъ...

ТАНЯ [останавливаясь].

Что такое, няня?

АННУШКА [со слезами].

Наши-то воеводы, матушка-барышня, злодѣю Москвой поклонились... Оставляютъ святыни московскія хранцузу на разграбленіе...

ТАНЯ [съ ужасомъ].

Что ты, няня? Неправда!.. Кто тебѣ сказалъ?..

АННУШКА.

Правда, барышня, правда, милая... Климычъ утромъ сегодня въ Кремль ходилъ, обѣдню въ Успенскомъ слушалъ... Народу, говоритъ, было видимо-невидимо, въ Кремлѣ-то... Плачетъ народъ-то... рыдаетъ, слушаетъ обѣдню... Стонъ по всей церкви стоитъ; службы, гыртъ, за плачемъ народнымъ не слышно... А какъ кончилась обѣдня, преосвященный Августинъ и говоритъ народу: «Когда-то приведетъ насъ Господь помолиться въ семъ храмѣ?»—а самъ какъ зарыдаетъ... За нимъ весь народъ такъ и заголосилъ въ одинъ голосъ. Жутко мнѣ стало, говоритъ Климычъ, стыдно на людей смотрѣть... не знаю, какъ и изъ Кремля-то вышелъ. А въ Китай-городѣ лавки заперты, дома забиты. по улицамъ бродятъ пьяные люди, бродяги какіе-то... топорами машутъ, вилами... Орутъ что, не разбери Господи!.. Говорятъ, острожниковъ изъ тюрьмы выпустили... тѣ безчинствуютъ, грабежъ заводятъ... Питейные дома разбиваютъ... На вѣрную гибель барыня насъ здѣсь оставляетъ,—Богъ ей судья...

ТАНЯ [утѣшая няню].

Завтра рано утромъ и мы въ Навлю тронемся... Не плачь, няня...

АННУШКА.

Барышня, милая, не выберемся мы за заставу... Тысячи экипажей и подводъ по улицамъ

шагомъ еле-еле тянутся... Климычъ говорилъ: всѣ казенныя бумаги, всю святыню изъ Москвы вывезли... И пожарнымъ, барышня, приказъ вышелъ покинуть городъ... Я при барынѣ-то сказать побоялась... А у насъ въ дворнѣ всѣ знаютъ... Анисьинъ братъ передъ вечеромъ съ ей проститься прибѣгалъ, въ Арбатской служитъ... Ну, оборони Богъ, что случится... Пожаръ, либо что... Какъ тутъ быть...

VI.

Тѣ же и **Бахтина.**

БАХТИНА [строго].

Ты что тутъ, старая, барышнѣ въ уши надуваешь?..

АННУШКА [испуганно].

Никакъ нѣтъ, матушка-барыня... Мы про пожарныхъ...

БАХТИНА.

Про какихъ пожарныхъ?..

АННУШКА.

Да вотъ сейчасъ-то проѣхали...

БАХТИНА [испытующе смотря на Аннушку].

Ну, что же, что проѣхали...

АННУШКА.

Проѣхали, говорю... больше ничего...

VII.

Тѣ же и **Груша.**

Груша вбѣгаетъ слѣва впопыхахъ, блѣдная, никого не замѣчая.

ГРУША.

Батюшки, голубчики, у насъ на дворѣ полнымъ-полно раненыхъ!.. Родимые мои!.. Батюшки!..

ТАНЯ [со страхомъ].

Раненые!..

АННУШКА.

Матушка, заступница!..

БАХТИНА [поблѣднѣвъ].

Какіе раненые?.. Что ты, Грушка, съ ума спятила...

ГРУША [валясь въ ноги].

Матушка-барыня, простите окаянную... Не примѣтила, что вы тутотка...

VIII.

Тѣ же и **Климычъ.**

КЛИМЫЧЪ.

Осмѣлюсь доложить, матушка-барыня, раненые на дворъ къ намъ завернули... и съ ними барчукъ Сергѣй Павловичъ...

ТАНЯ [вскрикиваетъ].

Сережа!.. Раненъ!.. [Бросается къ двери слѣва и убѣгаетъ].

АННУШКА [причитывая].

Соколикъ нашъ ясный...

БАХТИНА [собравшись съ силами]

Сергѣй Павловичъ, говоришь, съ ними?..

КЛИМЫЧЪ.

Такъ точно-съ... Рука на перевязи... должно, въ руку ранены...

Вмѣстѣ:

АННУШКА [голоситъ].

Голубчикъ ты нашъ... Красавецъ писанный...

ГРУША [плача].

Матушки-родимыя... Страсть какая!..

БАХТИНА [строго].

Не выть!..

[Мертвая тишина].

Бахтина, задумавшись, подходитъ къ двери зала и распахиваетъ ее настежъ. Стукъ экипажей и крики людей врываются въ комнату.

БАХТИНА.

Очистить залъ... Кровати тамъ поставить... Всѣ, какія есть!.. Аннушка, слышала!.. Грушка!.. Позови Егора... Семена... [Грозно] Да что вы стоите, какъ вкопаныя... Вамъ говорятъ!.. Ну, живо!..

АННУШКА [вздрагивая].

Слушаю, матушка-барыня... Сію минуту... [Уходя]. Груша, бѣги скорѣй, зови Семена... [Уходитъ, кряхтя, въ дверь направо].

ГРУША.

Бѣгу!.. [Стремглавъ бросается въ дверь налѣво].

БАХТИНА [Климычу].

Много ли раненыхъ пришло?

КЛИМЫЧЪ.

Человѣкъ съ десять будетъ, матушка-барыня...

БАХТИНА.

Всѣхъ перенести черезъ парадныя двери прямо въ залу... Созови всю дворню...

IX.

Тѣ же, Таня, Сибелевъ и докторъ.

Таня, блѣдная, ведетъ подъ-руку раненаго Сибелева, за ними въ дверяхъ показывается докторъ.

БАХТИНА [дрогнувшимъ голосомъ].

Сережа...

СИБЕЛЕВЪ [болѣзненно улыбаясь].

Пелагея Алексѣевна!.. Здравствуйте, родная моя...

Бахтина подходитъ къ Сибелеву, нѣжно цѣлуетъ его въ голову, затѣмъ отступаетъ на шагъ и пристально смотритъ ему въ глаза,—онъ опускаетъ голову.

БАХТИНА [съ ужасомъ].

Сережа... неужели?..

СИБЕЛЕВЪ [тихимъ, страдальческимъ голосомъ, со слезами на глазахъ].

Безъ боя уступаемъ Москву.

БАХТИНА [пораженная].

Какъ!.. Отдали Москву?.. Сами... злодѣю!..

ТАНЯ [съ сильнымъ страданіемъ, умоляюще].

Маменька...

БАХТИНА [въ изступленіи].

Москву злодѣю отдали... Безъ боя!.. Святыни ея на поруганіе отдали... народъ предали... на растерзаніе... Россію!..

Сибелевъ низко опускаетъ голову.

ТАНЯ [сильно, съ страданіемъ].

Маменька!.. Маменька!.. Что вы говорите!.. Опомнитесь!.. Маменька!..

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢИСТВІЕ III.

КАРТИНА III.

„ПОСТОЙ ФРАНЦУЗОВЪ“.

Полдень 2-го сентября 1812 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Пелагея Алексѣевна Бахтина.
Татьяна Ильинишна (Таня).
Сергѣй Павловичъ Сибелевъ.
Аннушка.
Груша.
Офицеръ-полякъ, гвардеецъ.
Докторъ.
Раненые русскіе солдаты.
Французскіе гвардейцы.

Гостиная и залъ въ домѣ Бахтиныхъ. Въ гостиной на столахъ и на клавесинахъ—бинты, баночки, пузырьки съ лекарствами, корпія; на стулѣ, у ломбернаго стола—тазикъ съ водой, полотенце повѣшено на спинку; на креслѣ, у передdиваннаго стола, брошена военная шинель. На столѣ, среди лекарствъ, недопитый стаканъ чаю и булка на тарелкѣ.

На лѣвой сторонѣ, у входной двери, на стулѣ—военная фуражка, пистолетъ и походная докторская сумка. На диванѣ—смятая подушка.

Въ залѣ поставлены кровати, на нихъ, прикрытые шинелями, лежатъ и сидятъ раненые. Шторы на окнахъ опущены. Въ залѣ полусвѣтъ. Докторъ дѣлаетъ больнымъ перевязки; Бахтина и Таня помогаютъ ему.

I.

Аннушка и **Груша.**

Аннушка у стола, передъ диваномъ, трясущимися руками свертываетъ бинты; Груша, растерянная, непричесанная, убираетъ гостиную.

ГРУША [боязливо, шопотомъ].

Анна Кузьминишна, матушка, что я хотѣла спросить тебя...

АННУШКА [недовольная].

Что еще?..

ГРУША.

Неужели-жъ мы такъ у француза въ плѣну и останемся?

АННУШКА.

На то барская воля.. Не мы однѣ... Много бѣднаго народу да дворовыхъ людей при господскихъ домахъ въ Москвѣ остаются... [Вздыхая]. Божья да барская воля...

ГРУША.

Наши-то солдатики прошли ужъ черезъ Москву... Батюшка, отецъ Никодимъ, у церкви

ихъ со крестомъ встрѣтилъ... Святой водой кропилъ... Я постояла, посмотрѣла... Плачутъ другіе, бѣдняги, съ Москвой прощаются...

АННУШКА.

Заплачешь, дѣвка... Обидно тоже... Свое, родное, поганцамъ оставлять...

ГРУША.

А хранцузы, Анна Кузьминишна, скоро въ Москву войдутъ?..

АННУШКА [съ досадой].

Отвяжись ты отъ меня, Грушка!.. Что пристала... И подумать-то дрожь беретъ, а она съ разспросами...

Молчаніе.

ГРУША.

Я давеча на Поварскую ходила, Анна Кузьминишна, такъ городъ-то ровно вымеръ весь... И куда народъ дѣлся... Ни души на улицахъ. Ставни заперты, двери заколочены... Жуть меня взяла по улицѣ идти... Хоть бы тебѣ гдѣ голосъ живой услыхала... И собаки-то не лаютъ... Стало быть, тоже чуютъ бѣду... Животная и та понимаетъ...

II.

Тѣ же и Таня.

Таня, блѣдная, сосредоточенная, быстро выходитъ изъ зала.

ТАНЯ.

Няня, бинты приготовила?..

АННУШКА.

Вотъ, милая барышня, приготовила.

ТАНЯ [беря бинты].

Еще надо, няня.

АННУШКА.

Сей минутъ, барышня... Кончаю... [Съ жалостью смотря на Таню]. Вы бы, барышня милая, отдохнули хоть самую малость... Всю ночь не спали... На васъ лица нѣтъ...

ТАНЯ.

Я не устала, няня... [Нетерпѣливо]. Давай же скорѣй бинты.

АННУШКА [передавая бинты].

Готово, барышня... извольте...

Таня быстро уходитъ въ залъ.

ГРУША [смотритъ ей вслѣдъ].

За одну ночь извелась какъ барышня,— не узнать... Сердце тоже болитъ, чай... Легко ли, женихъ, вѣдь... Цѣльную ночь не отходила отъ него... Къ утру онъ забылся, она, гляди-тка,— за солдатами ранеными, какъ за родными, ухаживаетъ, сердешная... И хоть бы тебѣ что... ни вздохнетъ, ни охнетъ... Откуда въ ей сила берется...

АННУШКА.

Вся въ маменьку... Кремень,—не человѣкъ... Та, хошь ее огнемъ жги, хошь на части рви,—

виду не покажетъ, голосу не подастъ... Суровая, строгая барыня... А сердце у ней жалостливое...

ГРУША.

Ой, и боюсь я ее, Анна Кузьминишна, до страсти... Пуще хранцуза... Николи она меня пальцемъ не тронула, а какъ огня боюсь... Другой разъ, какъ взглянетъ, такъ ажно душа... [Испуганно, перебивая себя]. Сюда идетъ... [Быстро беретъ со стола стаканъ и уходитъ направо].

III.

Аннушка и Бахтина.

Бахтина выходитъ изъ зала, съ виду спокойная, со строгимъ выраженіемъ блѣднаго лица и горящими глазами.

БАХТИНА.

Аннушка, скажи повару, чтобъ онъ больнымъ бульону приготовилъ, котлетъ десятокъ срубилъ, да трехъ куръ зажарилъ.

АННУШКА.

Слушаю, матушка-барыня...

БАХТИНА.

Да прикажи Антону буфетчику изъ погреба достать бутылку портвейна... Доктору принести...

АННУШКА [идя].

Слушаю-съ... [Останавливаясь у порога и робко оглядываясь]. А подводы, матушка-барыня, развязать прикажете?..

БАХТИНА.

Какія подводы?..

АННУШКА.

Барышня на всякій случай приготовить приказали... [Съ робостью]. Можетъ, пожелаете изъ Москвы выѣхать...

БАХТИНА.

Подводы развязать!.. Никуда я изъ Москвы не выѣду...

АННУШКА [неожиданно съ плачемъ бросается въ ноги Бахтиной].

Барыня-матушка, пожалѣйте вы себя, милостивица... Видитъ Богъ, не за себя молю... Мнѣ, старухѣ, все одно, гдѣ ни помирать... За васъ, да за ангелочка нашего, барышню, душа болитъ... Заберетъ насъ въ плѣнъ хранцузъ... Ой, заберетъ, злодѣй окаянный!..

БАХТИНА [со снисходительной улыбкой].

Полно, Аннушка... встань... Кому мы съ тобой нужны, бабы старыя... на что годны?.. Старыхъ, да малыхъ, да раненыхъ и злодѣй

французъ не тронетъ... Все же они хоть и враги наши, а христіане...

АННУШКА.

Хуже они всякихъ нехристей, злодѣи поганые!.. Никого-то они не милуютъ, ни старыхъ людей, ни красныхъ дѣвушекъ, ни младенцевъ Божіихъ... Всѣ-то до единаго человѣка, до малаго жукленка, изъ города выбрались... И начальство все...

БАХТИНА.

Трусы подлые...

АННУШКА [рыдая].

Слезно молю... Прости ты меня, рабу твою вѣрную... Прикажи выѣхать... Подумай, матушка-барыня, о Танюшкѣ,—ради нея прошу... Подумай, дочь она твоя...

БАХТИНА [строго].

Молчи!.. Будетъ рюмить!.. Иди и дѣлай, что приказываютъ!..

АННУШКА [вставая, со вздохомъ].

Слушаю, матушка-барыня... Твоя вся воля... [Уходитъ, сокрушенно вздыхая].

БАХТИНА [одна, тяжело опускается въ кресло].

Что она сказала, Господи?!.. Ради Танюшки уѣхать... увезти ее... Боже сохрани, съ ней какое несчастье случится... Одна она у меня... вся жизнь моя въ ней... Прости меня, Владычица...

IV.

Бахтина и **Таня.**

ТАНЯ [входя].

Вы за виномъ послали, маменька? Докторъ проситъ, надо дать слабому солдатику...

БАХТИНА [мягко].

Послала, Танюшка... Сейчасъ принесутъ ему...

Таня направляется въ залъ.

БАХТИНА [мягко].

Танюшка!..

ТАНЯ [останавливаясь].

Что вамъ угодно, маменька?

БАХТИНА [нерѣшительно].

Танюшка... дочурка моя... Что я тебѣ сказать хотѣла...

ТАНЯ [смотря на Бахтину, пораженная ея необычнымъ тономъ].

Маменька, что съ вами?.. Дурно вамъ? [Подходитъ къ ней].

БАХТИНА [сердясь].

Съ чего ты взяла, Танюшка... Со мной отродясь дурно не бывало!.. [Спокойнѣе]. Разсердила меня старая дура... Аннушка... Ничего, пройдетъ сейчасъ... Сядь тутъ, около меня...

Таня садится у ногъ Бахтиной.

БАХТИНА [помолчавъ].

Ты, Танюшка, распорядилась, чтобы подводы для насъ были приготовлены?..

ТАНЯ.

Я, маменька, думала, что вы не захотите оставаться въ Москвѣ, когда французы займутъ городъ... На всякій случай велѣла все приготовить... [Смущенно]. Чтобы васъ не безпокоить, я безъ спроса все сдѣлала... Простите, маменька...

БАХТИНА [нѣжно гладитъ дрожащей рукой голову Тани].

Ничего, дѣвочка... Меня, старуху, жалѣючи, ты это дѣлала... Не ждала я, не думала, мысли даже допустить не могла, что наши воеводы французу Москву уступятъ... Повѣрила болтуну пустому... Теперь дѣлать нечего... Пусть будетъ, что будетъ... [Перебивая себя]. Да не о томъ я хотѣла поговорить съ тобой, Таня...

ТАНЯ.

А о чемъ, маменька?

БАХТИНА [нерѣшительно].

Просить я тебя хотѣла... Я ужъ стара стала... трудно мнѣ съ мѣста на мѣсто передвигаться... Вотъ я и хотѣла просить тебя въ Навлю съѣздить... Пока поганецъ въ Москву не вошелъ... Нынче вечеркомъ ты бы выѣхала...

ТАНЯ [удивленно].

Въ Навлю съѣздить... Теперь, маменька... Вечеромъ сегодня выѣзжать изъ города?.. А вы, а Сережа, а раненые?..

БАХТИНА.

Устроишь тамъ все... А потомъ я Сережу и раненыхъ туда перевезу... Имъ въ деревнѣ спокойнѣе будетъ. Танюшка... Съѣздишь, дѣвочка, а?.. Я тебѣ Климыча и Егора провожатыми дамъ... Аннушка съ тобой поѣдетъ.

ТАНЯ [вставая, твердо].

Нѣтъ, маменька, я въ Навлю теперь не поѣду... Я здѣсь нужнѣй!.. Пусть Аннушка съ Климычемъ одни ѣдутъ...

БАХТИНА [нѣжно].

А ежели я тебя попрошу, дѣточка?..

ТАНЯ.

Вы знаете, маменька, я вамъ всегда безпрекословно во всемъ покорялась, но теперь не могу!.. Не поѣду я никуда изъ Москвы. Не могу я васъ, маменька, и безпомощныхъ раненыхъ людей оставить... [Горячо]. При одной мысли о томъ—сердце кровью облилось!.. Не просите, маменька... Не могу вашей просьбы исполнить... не могу!..

БАХТИНА.

Ну, Богъ съ тобой, дѣвочка... Не волнуйся такъ... Я принуждать тебя не стану... Вижу я—мое у тебя сердце... [Цѣлуетъ дочь]. Предадимся на волю Божію... Что суждено,— того не миновать...

ТАНЯ [твердо].

Правда, маменька... За меня не бойтесь,— я на все готова...

V.

Тѣ же и Сибелевъ.

Сибелевъ входитъ справа, блѣдный, лѣвая рука на перевязи.

ТАНЯ [увидавъ его].

Сережа, зачѣмъ ты всталъ съ постели?

СИБЕЛЕВЪ [улыбаясь].

Мнѣ докторъ позволилъ... [Подходя и цѣлуя руку Бахтиной]. Доброе утро, Пелагея Алексѣевна!

БАХТИНА [цѣлуя его въ голову].

Спалъ, поди, плохо... Чего рань такую поднялся?... Рука-то болитъ сильно?...

СИБЕЛЕВЪ.

Нѣтъ, ничего, сейчасъ рану перевязали... Ночью ныла немного...

БАХТИНА.

Чай-то пилъ?

СИБЕЛЕВЪ.

Нѣтъ еще... Я пойду въ столовую...

БАХТИНА [строго].

Сиди, сиди здѣсь, я велю тебѣ сюда чай подать...

СИБЕЛЕВЪ.

Что же вы будете безпокоиться, Пелагея Алексѣевна...

БАХТИНА [уходя].

Полно глупости молоть... [У дверей]. Да ты правду говоришь, что докторъ позволилъ тебѣ встать?...

СИБЕЛЕВЪ.

Развѣ я вамъ лгалъ когда, Пелагея Алексѣевна?...

БАХТИНА [уходя].

То-то... Смотри у меня... [Уходитъ].

ТАНЯ [Сибелеву].

Ну, садись, Сережа, сюда на кресло, къ столу... Сиди смирно, не шевелись,—я все тебѣ сама приготовлю...

СИБЕЛЕВЪ.

Спасибо, Таня... Мнѣ что-то ничего не хочется... На сердцѣ неспокойно какъ-то... За

тебя, за маму душа болитъ... Французы, вѣроятно, уже вступаютъ въ городъ... Напрасно вы здѣсь остались...

ТАНЯ [бодро].

Ну, что теперь о насъ говорить, Сережа. Богъ дастъ, все къ лучшему... Вотъ, если бы я уѣхала изъ Москвы, тебя бы еще долго не увидала... Измучилась бы вся...

VI.

Тѣ же и Груша.

Груша входитъ съ подносомъ, на которомъ чай, булки, масло.

ТАНЯ [Грушѣ].

Сюда все ставь, Груша, на столъ...

Груша ставитъ подносъ на столъ передъ диваномъ и уходитъ.

ТАНЯ [подавая чай Сибелеву].

Кушай, Сережа... Я тебѣ хлѣба приготовлю... [Садится около него, намазываетъ хлѣбъ масломъ и подаетъ ему]. Да не смотри ты такъ уныло на меня...

СИБЕЛЕВЪ [улыбаясь].

Прости, родная, не буду... Никакъ не могу оторвать глазъ отъ тебя... Что-то новое,

незнакомое появилось въ твоемъ лицѣ, чего прежде не было у моей Тани... Какое-то сосредоточенное, серьезное выраженіе... И въ глазахъ глубоко-глубоко залегла упорная мысль...

ТАНЯ.

Мы не видались полгода, Сережа... Въ нѣсколько мѣсяцевъ совершилось столько ужасовъ... [Волнуясь]. Столько я пережила, столько передумала, Сережа, что на всю жизнь хватитъ!.. Съ того дня, какъ я увидала въ Кремлѣ государя и десятки тысячъ народа, восторженнаго, одухотвореннаго, готоваго пожертвовать и жизнью своей и имуществомъ на защиту родины... [Воодушевленно]. Ахъ, Сережа, если бы ты видѣлъ эту картину!.. Кто разъ пережилъ такое чувство,—никогда, никогда во всю жизнь не забудетъ!... У меня такъ сильно билось сердце, что я боялась умереть!..

СИБЕЛЕВЪ [любуясь Таней].

Восторженная ты, чудная моя!...

ТАНЯ.

Съ того дня я уже ничего не чувствовала, ни о чемъ не думала, кромѣ ужасовъ войны... Я забросила всѣ книги, по цѣлымъ часамъ сидѣла надъ Вѣдомостями... Читала ихъ отъ первой строки до послѣдней... Онѣ сплошь были наполнены извѣстіями о войнѣ, статьями о Бо-

напартѣ... Онъ представляется мнѣ воплощеніемъ зла на землѣ... Высокомѣріе, злоба и самовластіе наполнили его душу...

СИБЕЛЕВЪ.

Да, Таня... но все же онъ, какъ полководецъ,— геніаленъ...

ТАНЯ.

Можетъ быть, Сережа, не спорю, но его геніальность — зло... Онъ истребитель рода человѣческаго... Онъ не знаетъ пощады... не любитъ никого кромѣ себя... И знаешь, Сережа... Я засыпала и просыпалась съ мыслью о войнѣ... Мнѣ иногда казалось, что я съ ума схожу. Я видѣла на яву, — какъ тебя сейчасъ вижу,—поле сраженія... убитыхъ людей, потоки крови, судороги умирающихъ... Я видѣла чудовище — Бонапарта, спокойно смотрящаго на бойню... Ты помнишь, Сережа, моего отца... Онъ былъ близкій другъ Новикова, мартинистъ... Онъ воспиталъ меня въ понятіяхъ, что всѣ люди, безъ различія національности, братья... Что всѣхъ людей надо любить... даже враговъ... Я безумно любила отца, вѣрила ему всѣмъ сердцемъ... Вся была проникнута его вѣрой, его ученьемъ... Но ужасы войны перевернули все въ моей душѣ... Если бы ты зналъ, Сережа, какую ненависть, отвращеніе вну-

таетъ мнѣ Наполеонъ!.. [Вздрагивая]. Даже теперь холодъ прошелъ по тѣлу...

СИБЕЛЕВЪ.

А меня ты не видала?...

ТАНЯ.

И тебя видѣла, Сережа... Одинокаго, забытаго на полѣ сраженія, среди труповъ, умирающаго, безпомощнаго, несчастнаго... [Закрывая глаза]. Какъ страшно, Сережа...

СИБЕЛЕВЪ [нѣжно].

Милая...

ТАНЯ.

Сколько разъ я хотѣла убѣжать изъ дома— туда, гдѣ лилась человѣческая кровь, гдѣ горѣли села и деревни... Я хотѣла поступить въ сестры милосердія, видѣть своими глазами весь ужасъ войны... Умереть тамъ, гдѣ умираютъ за свободу родины... Боже, какъ стыдно было мнѣ жить здѣсь, въ Москвѣ, въ довольствѣ, въ покоѣ... И если бы не боязнь за маму, я бы давно ушла... Она ни за что не хотѣла уѣзжать въ Навлю, а я знала, что Бонапартъ не нынче—завтра вступитъ въ Москву... Мнѣ хотѣлось увезти маму въ деревню и тогда уйти... Господи, какъ я ждала... [Со слезами на глазахъ]. И вотъ—дождалась... Москва сдана врагамъ... Торжествующій Бонапартъ здѣсь... Ты раненый, безъ руки...

СИБЕЛЕВЪ [обнимая ее].

Полно, Танюшка... Моя рана пустяшная... Ты напрасно такъ тревожишься...

ТАНЯ [спокойнѣе].

Нѣтъ... Ничего, Сережа... Ночь я плохо спала... Прошло ужъ... Ничего...

СИБЕЛЕВЪ.

Счастье ты мое!.. Жизнь моя!.. Когда я слушалъ тебя, во мнѣ загоралась гордость... Ты—такая чудная, самоотверженная, большая, ты любишь меня, незначительнаго, обыкно...

ТАНЯ [закрывая ему рукой ротъ].

Молчи, Сережа!.. Перестань... Не надо обо мнѣ... не надо... А то разсержусь... Ты лучше разскажи, какъ ты жилъ тамъ на войнѣ... безъ меня...

СИБЕЛЕВЪ.

Не знаю, право, Таня, что разсказывать... Какъ начать?... Съ чего?...

ТАНЯ.

Съ самаго начала... Ты такъ рвался въ полкъ... Помнишь?... Даже для меня на день не хотѣлъ остаться...

СИБЕЛЕВЪ [цѣлуя ея руку].

Прости, милая...

ТАНЯ.

Ну, хорошо, хорошо... Нечего отвиливать...

СИБЕЛЕВЪ [улыбаясь].

Я и не думаю отвиливать... а просто—не знаю, съ чего начать?

ТАНЯ.

Начни съ того дня, какъ ты пріѣхалъ въ полкъ...

СИБЕЛЕВЪ.

Какъ я пріѣхалъ въ полкъ... [Подумавъ]. Да вѣдь, я все писалъ тебѣ, Таня... Полный отчетъ...

ТАНЯ.

Письма—не то... Я хочу все знать подробно... Съ самаго начала... Не мучь же меня... начинай, Сережа...

СИБЕЛЕВЪ.

Ну, слушай... Только, право, мало интереснаго... Не умѣю я...

ТАНЯ.

Нечего, нечего... Разсказывай, какъ умѣешь... А ужъ интересно или нѣтъ—не тебѣ судить...

СИБЕЛЕВЪ.

Ну, вотъ... уѣхалъ я изъ Москвы... отъ васъ... Грустно мнѣ стало ужасно... Хоть назадъ воз-

вращайся... И ты знаешь, Таня, я чуть было съ одной станціи не повернулъ оглобли назадъ...

ТАНЯ.

И глупо бы сдѣлалъ...

СИБЕЛЕВЪ.

Раздумалъ я и поѣхалъ дальше... Полкъ нашъ стоялъ въ грязномъ еврейскомъ мѣстечкѣ, неподалеку отъ Вильны... Наполеонъ уже перешелъ границу, а мы сидѣли въ своей грязной дырѣ... Сидѣли и умирали отъ скуки и томленія... Со дня на день ждали приказовъ о выступленіи, играли по цѣлымъ днямъ въ карты, ѣздили на фуражировки и опять играли въ карты... Такъ прошло около двухъ недѣль... До насъ доходили нелѣпые слухи о движеніи непріятеля, о стычкахъ нашихъ съ французами, о нашихъ побѣдахъ... Все это тревожило насъ, досадовало... Бездѣйствіе доводило насъ до бѣшенства... Наконецъ, отданъ былъ приказъ выступать...

ТАНЯ.

Воображаю, какъ вы всѣ обрадовались!..

СИБЕЛЕВЪ.

Да, конечно... Но, вмѣсто того, чтобъ идти на непріятеля, мы стали отступать... Отступали безъ конца... До Бородинскаго сраженія

мы не видали непріятеля... Мы слышали о дѣлѣ подъ Вязьмой, о взятіи Смоленска... И всѣ до послѣдняго солдата рвались въ бой съ непріятелемъ... Напряженіе дошло до послѣдняго предѣла. Ропотъ, открытый, злой ропотъ пошелъ среди войска... Солдаты не довѣряли своимъ командирамъ, генералы обвиняли главнокомандующаго... Страшно становилось за армію... Открыто говорили объ измѣнѣ нѣмцевъ. Казалось,— день, два — и солдаты откажутся повиноваться... Ура уже не гремѣло, какъ прежде, при объѣздѣ войскъ Барклаемъ... Вдругъ по арміи разнеслась вѣсть: Кутузовъ назначенъ главнокомандующимъ... Не могу передать тебѣ, Таня, что было въ арміи... Какой-то безумный восторгъ охватилъ всѣхъ... Люди плакали отъ радости, цѣловались, поздравляли другъ друга... Вся армія словно переродилась... Когда Кутузовъ показался передъ войскомъ у Царева Займища,—земля дрогнула отъ криковъ ура!.. Подхваченный общимъ восторгомъ, я не помнилъ себя... Мнѣ казалось, что армія, такъ воодушевленная, непобѣдима... [Помолчавъ]. Но на другой день началось снова отступленіе... и снова, мало-по-малу, уныніе закрадывалось въ душу... [Помолчавъ]. Наконецъ, наступилъ канунъ Бородинской битвы... Былъ тихій августовскій вечеръ... Повсюду въ нашемъ лагерѣ горѣли бивуачные огни... Страшная тишина кругомъ... Жутко было на сердцѣ... Я бродилъ по лагерю... Солдаты готовились къ смерти... Ни

обычныхъ шутокъ, ни пѣсенъ, ни криковъ... Даже разговаривали шопотомъ... А издали доносилось громовое ура французовъ, привѣтствовавшихъ Наполеона... Гордо, побѣдно гремѣли крики французовъ и больно отзывались въ моей душѣ... Я не могъ уснуть всю ночь... Едва разсвѣло, — начался бой... Я не знаю, не могу описать тебѣ, какъ онъ происходилъ, кто побѣдилъ... Я помню только, что два раза вмѣстѣ съ полкомъ я ходилъ въ атаку, бѣшено врывался въ толпу живыхъ тѣлъ, рубилъ направо и налѣво, слышалъ звуки ударовъ сабли во что-то мягкое... Какой-то хлябающій звукъ, брызги крови... Помню полные ужаса голубые глаза на молодомъ, смугломъ лицѣ, обращенные ко мнѣ... помню оторванную руку, задѣвшую меня по головѣ... Помню, что сердце стучало въ груди, какъ молотъ, и ощущеніе страшной жажды... Опьяненіе какое-то... безуміе!...

ТАНЯ [блѣдная, съ широко открытыми глазами].

Какой ужасъ!.. Какой ужасъ, Сережа...

СИБЕЛЕВЪ [упавшимъ голосомъ].

Насъ осталось изъ полка—пятьдесятъ человѣкъ...

ТАНЯ.

Боже мой. Боже мой!..

VII.

Таня, Сибелевъ и Бахтина.

Бахтина входитъ съ виду спокойная, но озабоченная.

ТАНЯ [взглянувъ на мать, тревожно].

Маменька, что случилось?...

БАХТИНА.

Отстань, Танюшка... Ничего особеннаго не случилось... Все тебѣ сейчасъ знать нужно...

ТАНЯ [встревоженная].

Маменька, я вижу... по лицу вашему вижу, что-то страшное случилось... Скажите, маменька... я молю васъ!...

БАХТИНА.

Ты, Таня, неотвязная какая-то... Сейчасъ Грушка съ Поварской прибѣжала... Бѣсенокъ она,—всюду побываетъ, все пронюхаетъ... Говоритъ, тамъ какiе-то мерзавцы лавку грабятъ... Власти покинули Москву... По городу грабежи, разбои...

VIII.

Тѣ же и Климычъ.

БАХТИНА [увидавъ его].

Ты что, Климычъ?

КЛИМЫЧЪ.

Изъ Навли, матушка-барыня, бурмистръ гонца прислалъ...

БАХТИНА.

Что тамъ случилось?

КЛИМЫЧЪ.

Не благополучно у насъ въ вотчинѣ... Злодѣй по всей округѣ подметныя письма разослалъ...

БАХТИНА.

Какія письма?

КЛИМЫЧЪ.

Подметныя... Народъ улещаетъ... Волю, вишь, обѣщаетъ всѣмъ крѣпостнымъ людямъ... Въ народѣ сумлѣніе пошло... Въ разоръ разорили сосѣднюю усадьбу... Нашу Богъ миловалъ... Помнятъ баринову да вашу милость и доброту къ народу... Бурмистръ доноситъ, что и у насъ на селѣ народъ вольно поговаривать сталъ... Опасается онъ, какъ бы чего худого не было... Спрашиваетъ, когда вы пожаловать изволите?.. И сколько людей изъ дворни провожатыхъ вашей милости выставить?..

IX.

Тѣ же и Аннушка.

Аннушка входитъ встревоженная и не рѣшается что-то сказать.

ТАНЯ.

Что ты, няня?...

АННУШКА [нерѣшительно].

Матушка-барыня... осмѣлюсь доложить...

БАХТИНА.

Да говори... Что у тебя—языкъ отсохъ что ли?...

АННУШКА.

Надъ городомъ... [Вздыхая] Охъ, батюшки-свѣты!...

БАХТИНА.

Будетъ причитать! Говори...

АННУШКА [со слезами].

Барыня... матушка... Москва горитъ!.. Погибла, сердешная... Надъ всѣмъ городомъ клубами черный дымъ валитъ... И ни души на улицахъ... [Причитая]. Охъ, погибаетъ Москва-матушка!.. Погибла, родная наша...

СИБЕЛЕВЪ [бросаясь въ залъ къ окну].

Въ какой сторонѣ горитъ?.. Далеко?..

ТАНЯ [бѣжитъ къ окну, а затѣмъ къ Аннушкѣ].

Няня, дорогая, не плачь, не бойся!...

БАХТИНА.

Вѣтра нѣтъ, слава Богу, потушатъ...

АННУШКА.

Кому тушить, матушка-барыня, пожарные выѣхали!.. Народу нѣту въ городѣ... Кому тушить!...

X.

Тѣ же и Груша.

Груша, блѣдная, влетаетъ въ комнату, въ страшномъ испугѣ.

ГРУША.

Хранцузы!.. хранцузы!.. Батюшки-свѣты!.. Хранцузы!..

БАХТИНА [холодно].

Ты что, съ цѣпи сорвалась?.. Какіе французы, гдѣ?...

ГРУША.

Солдаты!.. хранцузы... Батюшки-свѣты!.. У воротъ... вотъ въ этакихъ шапкахъ... хранцузы... страшенные!..

Аннушка со страха присѣдаетъ на стулъ у входной двери; Таня стоитъ около нея, съ виду спокойная; Бахтина—направо у стола, сдерживая волненіе и опираясь руками на столъ; Груша ломаетъ руки и мечется въ страшномъ испугѣ.

БАХТИНА [повелительно].

Запереть ворота!.. Никого не пускать!.. Здѣсь раненые... Я сама къ нимъ выйду... [Дѣлаетъ шагъ].

XI.

Тѣ *же* и отрядъ гвардейцевъ-французовъ съ офицеромъ-полякомъ во главѣ.

При входѣ французовъ, Таня блѣднѣетъ, но держится храбро; Бахтина дѣлаетъ къ нимъ шагъ; Груша вскрикиваетъ и съ испуганнымъ, неподвижнымъ выраженіемъ лица, какъ статуя, стоитъ у одной изъ колоннъ.

ОФИЦЕРЪ [Бахтиной].

Извините, сударыня... Я потревожилъ васъ... Здѣсь назначена квартира нашего полкового командира...

БАХТИНА [твердо].

Здѣсь мой домъ... Я отдала его русскимъ раненымъ... Никто не заставитъ меня отдать его вамъ...

ОФИЦЕРЪ.

Я, сударыня, исполняю приказаніе моего генерала. По праву побѣдителей...

БАХТИНА [твердо].

Я не знаю и не хочу знать твоего генерала... Здѣсь хозяйка я!.. И только мои приказанія здѣсь исполняются...

ОФИЦЕРЪ [запальчиво].

Я получилъ приказаніе занять вашъ домъ.. Я исполняю его... Мы взяли городъ...

БАХТИНА.

Какой извергъ могъ отдать тебѣ приказаніе ворваться въ мой домъ, не щадя ни раненыхъ, ни женщинъ... [Сильно]. Эй, дворня!..

ОФИЦЕРЪ.

О-ля-ля!.. [Солдатамъ]. Обыскать и очистить домъ!...

Солдаты входятъ въ комнаты. Одни изъ нихъ идутъ въ залъ и окружаютъ раненыхъ; другіе бросаются къ правымъ дверямъ. Сержантъ подходитъ къ Бахтиной и хочетъ взять ее за руку. Аннушка вскакиваетъ, безумно крича.

АННУШКА [кричитъ].

Спасите... Родимые!.. Спасите, кто въ Бога вѣруетъ!.. Спасите!..

XII.

Тѣ же и Сибелевъ.

Сибелевъ, вырвавшись отъ солдатъ, вбѣгаетъ изъ зала съ пистолетомъ въ рукѣ; два француза гонятся за нимъ.

СИБЕЛЕВЪ.

Прочь!... Или я размозжу вамъ головы!..

Солдаты бросаются на него сзади. Сибелевъ отчаянно отбивается.

ОФИЦЕРЪ [запальчиво].

Арестовать его!..

ТАНЯ [бросаясь къ Сибелеву и защищая его].

Онъ раненый!.. Больной... Вы звѣри!..

ОФИЦЕРЪ [беря ее за руку].

Какая красавица!.. И какой огонь!..

ТАНЯ [вырывая руку].

Прочь!.. Наглецъ!.. [Бѣжитъ къ двери и хватаетъ со стула пистолетъ].

ОФИЦЕРЪ [съ улыбкой].

О, какая сила!..

БАХТИНА [вырываясь].

Насильники!.. Злодѣи!.. [Къ дочери]. Танюшка!.. Танюшка!.. [Хочетъ броситься на защиту Тани].

ТАНЯ.

Мама!.. Мама!.. Не бойся... Я съ тобой...

Офицеръ подходитъ къ Танѣ.

ТАНЯ [хватая пистолетъ и направляя на офицера].

Не подходите!.. Я буду стрѣлять!..

ОФИЦЕРЪ.

Взять у ней оружіе!...

ТАНЯ [убѣгая въ дверь съ пистолетомъ въ рукахъ].

Люди, сюда!.. На помощь!.. Люди!.. [Убѣгаетъ].

Солдаты гонятся за ней.

БАХТИНА [въ безумномъ отчаяніи].

Танюшка!.. Доченька моя!.. Погубила я тебя... Люди!.. Спасите, спасите ее!..

Солдаты валятъ сопротивляющагося Сибелева на полъ.

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

КАРТИНА IV.

«ПОЖАРИЩЕ СОЖЖЕННОЙ МОСКВЫ».

4-го сентября 1812 года, около четырехъ часовъ дня.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Наполеонъ Бонапартъ, императоръ Франціи.
Герцогъ **Мортье.**
Графъ **Сегюръ.**
Графъ **Фріоль.**
Князь **Евгеній Богарнэ.**
Графъ **Бессьеръ.**
Маршалъ **Даву.**
Графъ **Лефевръ.**
Маршалъ **Груши.**
Лелорнь, секретарь **Наполеона.**
Рустанъ Мамелюкъ, камердинеръ **Наполеона**
Два адъютанта императора.
Пелагея Алексѣевна Бахтина.
Татьяна Ильинишна (Таня).
Сергѣй Павловичъ Сибелевъ.
Климычъ.

Полякъ, проводникъ **Наполеона.**

Потапъ, старикъ-мѣщанинъ, лѣтъ 70, но еще бодрый.

Семенъ, его внукъ, лѣтъ подъ 30.

Марья, жена Семена, лѣтъ 25-ти, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ.

Бродяга, здоровый, приземистый малый, съ клеймами на лицѣ, лѣтъ 36.

Рыжій, острожникъ, лѣтъ 28.

Купецъ, старикъ лѣтъ за 60, съ большой бородой, тщедушный.

Лысый, живой старичокъ, лѣтъ за 50.

Дворовый человѣкъ, лѣтъ 40.

Старуха-мѣщанка, нищая, лѣтъ 60.

Дѣвочка-мѣщанка, лѣтъ 12—13.

1-ая купчиха, старуха, лѣтъ подъ 60.

2-ая купчиха, молодая, красивая женщина, лѣтъ 25-ти.

1-ая мѣщанка, лѣтъ 30.

2-ая мѣщанка, лѣтъ 18.

1-ая дворовая дѣвушка, лѣтъ 20.

2-ая дворовая дѣвушка, лѣтъ 30.

Торговецъ, лѣтъ 40.

Кучеръ, лѣтъ 35.

Шесть человѣкъ русскихъ плѣнныхъ (мѣщанинъ, полицейскій чиновникъ, старикъ-дворянинъ, 2 крестьянина, бродяга).

10 французовъ-солдатъ, конвойныхъ.

Три солдата нѣмецкаго отряда.

8 солдатъ-мородеровъ.

Три солдата-егеря.

Пять гренадеровъ императорской гвардіи.

Московскіе жители, солдаты—французы, нѣмцы, поляки.

Погорѣлые переулки Москвы, вблизи дома Бахтиныхъ. Пожарище тянется на огромное пространство. Даль покрыта синеватой дымкой тлѣющихъ развалинъ. Въ разныхъ мѣстахъ, по переулкамъ, торчатъ полуразрушенныя печи, голыя, обгорѣлыя деревья садовъ, обуглившіеся столбы и бревна. Кое-гдѣ уцѣлѣвшіе каменные фундаменты, съ подвалами, окна которыхъ выходятъ на тротуары. Направо, закопченная дымомъ, небольшая старинная каменная церковь, съ разбитой желѣзной дверью; налѣво стѣны сгорѣвшаго большого каменнаго дома, съ пустыми оконницами, съ подвальнымъ этажемъ. На улицахъ разбросаны мебель, листы сгорѣвшаго желѣза, домашняя утварь, трупъ лошади, пуховики, домашній скарбъ. Вдали клубы чернаго дыма и море бушующаго огня. Изрѣдка слышны отдаленные удары, трескъ пожара и завываніе вѣтра.

I.

Потапъ, Семенъ, Марья, Лысый, старуха-нищая, дѣвочка-мѣщанка, дворовый человѣкъ.

У церкви, на ступенькахъ, сидитъ Потапъ; около него, на узлахъ, помѣстилась Марья, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. Положивъ подъ голову чуйку, растянулся на землѣ Семенъ, здоровый малый, съ шапкой русыхъ кудрей на головѣ, въ изорванной рубахѣ и опоркахъ на босу ногу. По пожарищу бродятъ: дворовый человѣкъ въ обгорѣлой ливреѣ; Лысый; оборванная нищая старуха; дѣвочка что-то отыскиваетъ въ золѣ и ямкахъ, вороша палкой пепелъ и уголья.

МАРЬЯ [кормитъ ребенка грудью и, со слезами въ голосѣ, поетъ].

«Спи, спи, спи, усни,
Угомонъ тебя возьми...
Бай-бай, бай-баю..
Угомонъ тебя возьми...

II.

Тѣ же, старикъ-купецъ и два солдата нѣмецкаго отряда.

Солдаты подгоняютъ пинками тщедушнаго старика, несущаго на плечахъ большой мѣшокъ съ награбленнымъ добромъ. При появленіи солдатъ, дѣвочка быстро прячется за дерево.

СТАРИКЪ-КУПЕЦЪ.

За что ты меня пинаешь, нехристь? И такъ еле иду...

Солдаты усиленно его толкаютъ.

ПОТАПЪ.

О, Господи, Боже милостивый!.. До чего Ты, Батюшка, привелъ дожить...

СТАРИКЪ-КУПЕЦЪ [уходя].

Будь вы прокляты, окаянцы!.. [Уходитъ направо].

СЕМЕНЪ [поднимая голову и злобно смотря на солдатъ].

Погодите, сволочь несчастная!... Погуляемъ и мы на вашей спинѣ...

МАРЬЯ [испуганно].

Молчи, молчи, Семенъ!.. Еще къ намъ привяжутся... Молчи...

СЕМЕНЪ.

Пусть только сунутся... Я угощу ихъ посвойски!..

ПОТАПЪ.

Полно, Семенъ, понапрасно душу рвать... Испытаніе намъ Господь-Батюшка въ наказаніе посылаетъ. Видѣлъ, какое знаменіе ночью на небѣ было... Звѣзда съ хвостомъ... Конецъ міру она предвѣщаетъ... Молиться надо... во грѣхахъ каяться... Антихристъ-бо народися... А ты злобствуешь...

СЕМЕНЪ.

Непереносно видѣть, дѣдушка... Легче смерть принять...

ПОТАПЪ.

Что подѣлаешь... Ихъ взяла... Попустилъ Господь...

СЕМЕНЪ.

Не видать бы имъ, злодѣямъ, Москвы, коли бъ не обманули народъ... Не дали бы имъ города ни въ жизнь!.. [Помолчавъ]. Повѣрить ли, дѣдушка, какъ собрались мы на Три Горы супротивъ супостата идтить, — вся кровь во мнѣ загорѣлась... Отчаянность напала!.. Несмѣтная толпа насъ у графскаго дома сбилась... Кто съ чѣмъ: съ дубинами, съ вилами, съ ружьями, съ пистолетами... Какъ глянулъ я на народъ, такъ у меня сердце, какъ волна, захолонуло... Стою и думаю самъ себѣ: либо разобьемъ врага въ чистую, либо всѣ костьми

ляжемъ, а живые не пустимъ поганца въ Москву!.. И вижу я, у всѣхъ, сколь насъ ни на есть, одна та дума въ головѣ... [вздыхая]. Да не привелъ Господь постоять за Москву... И вотъ, дѣдушка, всего я теперича рѣшенъ... Домишко сгорѣлъ, имущество которое все пропало... Ничего... ни гвоздика, ни синь-пороха нѣту... И ничего мнѣ не жалко...

МАРЬЯ [голоситъ].

Безъ дома мы остались, горемычные... Безъ угла остались, безъ пріюта... Погляжу на свое мѣстечко,— сердце кровью обольется... Ничего-то нѣтути,—одни головешки черныя валяются...

ПОТАПЪ.

Что ты, глупая... Съ чего взвыла... Видишь, все гибнетъ... И мы погибнемъ... О душѣ своей надо думать, а ты о лачугѣ воешь... Глупая... Пра, глупая...

МАРЬЯ [тише голоситъ].

Куда я съ рабенкомъ малымъ дѣнусь, куда преклоню голову... Куда пойду?

СЕМЕНЪ [грозно].

Молчи, Марья!.. Не надрывай сердца!..

МАРЬЯ [со слезами].

Чего орешь... Рабенка разбудилъ... [Укачивая дитя, поетъ].

«Спи, спи, спи, усни...
Угомонъ тебя возьми...
Сонъ по лавочкамъ ходи,
По прилавочкамъ гуляй...
Мово Ваню усыпляй...
Бай, бай, бай-баю...»

III.

Тѣ же и бродяга.

Бродяга, съ полубритой головой, осторожно пробирается по переулкамъ, неся въ мѣшкѣ награбленное добро; подойдя къ дому налѣво, онъ становится на колѣни и кричитъ въ подвальное окно.

БРОДЯГА [въ окно подвала].

Рыжій, а, рыжій!... вставай!.. Что дрыхнешь, лежебокъ!..

РЫЖІЙ [изъ подвала].

Не торопись... Куда спѣшишь?.. Поспѣешь съ козами на торгъ... [Высовывая голову изъ окна]. Чего ты?

БРОДЯГА [давая мѣшокъ].

Примай, а я еще разокъ на добычу схожу...

РЫЖІЙ [таща мѣшокъ въ окно].

Гдѣй-то ты, Гаврюшка, добываешь... Далече?..

БРОДЯГА.

Нѣтъ, тутотка недалечко... у хранцузовъ...

РЫЖІЙ [смѣясь].

Да ну?.. Вре!..

БРОДЯГА [хвастливо].

Вѣрное слово!.. Они награбили добра, да въ фуры и сложили. Сами опять на добычу ушли, а караула не поставили...

РЫЖІЙ.

Прямые дурни!.. А еще хранцузы называются,—полированный народъ!..

БРОДЯГА.

Дурни и есть!.. Я спрятался въ подвалъ по близности, а какъ они ушли—и цапнулъ, что получше да поскуснѣй... Потѣха!...

РЫЖІЙ.

Молодецъ, Гаврилка!.. Прямой ты каторжникъ!.. [Отдавая пустой мѣшокъ]. Качай еще!.. Въ хозяйствѣ все пригодится... [Скрывается].

БРОДЯГА [отходя отъ окна].

Я мигомъ... [Идетъ и останавливается, смотря на дѣвочку, которая роется въ ямкѣ, затѣмъ тихо подкрадывается къ ней и громко ее окликаетъ]. Ты что тутъ дѣлаешь, пострѣленокъ?!

ДѢВОЧКА [испуганно].

Я, дяденька, ничего... [Хочетъ уйти].

БРОДЯГА [хватая ее за руку].

Какъ ничего?!.. А по что ты въ ямы заглядываешь, уголья копаешь?.. А?.. Не кладъ ли ищешь?

ДѢВОЧКА [плача].

Пусти меня, дяденька... Мнѣ боязно...

БРОДЯГА.

Ну, что ты рюмишь?.. Не робь, я не чортъ, не хранцузъ некрещеный... Ты не гляди, что я клейменый... Душа у меня есть... Такой же человѣкъ, какъ и ты... Говори, чего ищешь?

ДѢВОЧКА [плача].

Я, дяденька, второй день не ѣмши... И братишка махонькій пищитъ,—ѣсти хочетъ... Домъ нашъ сгорѣлъ... Мамку хранцузъ увелъ... Мы съ братишкомъ тутотка недалечко въ подвалѣ схоронились... Я картошки ищу...

БРОДЯГА.

Давно бы такъ сказала, чертенокъ. Иди за мной... [Подводитъ дѣвочку къ окну подвала и зоветъ въ окно]. Рыжій, а, Рыжій!.. Опять дрыхнетъ... Рыжій, дьяволъ!..

РЫЖІЙ [высовывая голову].

Чего еще?..

БРОДЯГА.

Дай-ка, Рыжій, сайку; тамъ у меня подъ головами лежитъ... да банку, что въ углу стоитъ...

РЫЖІЙ.

Ишь ты... Проголодался на работѣ...

БРОДЯГА.

Во, пострѣленокъ голодный бродитъ. Ревмя реветъ... Покормить надоть...

РЫЖІЙ [подавая сайку и банку].

Жалостливый ты какой сталъ, Гаврилка... О душѣ, знать, вспомнилъ... спасаться хочешь...

БРОДЯГА.

Буде зря зубы точить!.. [Дѣвочкѣ]. На вотъ... Садись здѣся и ѣшь...

ДѢВОЧКА [съ жадностью принимаясь ѣсть].

Спасибо, дяденька...

РЫЖІЙ [ухмыляясь].

Ишь, какъ уплетаетъ, паршивая!.. Ажно за ухомъ трещитъ... Голодъ, видно, не тетка...

БРОДЯГА [гладя дѣвочку по головѣ].

Ѣшь... ѣшь на здоровье... Ничего, не бойся... Оголодала какъ, сердешная... Ѣшь, со Господомъ...

IV.

Тѣ же, Бахтина и **Климычъ.**

Бахтина, усталая, осунувшаяся, съ блуждающими по сторонамъ глазами, въ изорванномъ платьѣ, безъ чепца, спрашивая что-то у встрѣчныхъ, идетъ по пожарищу, приглядываясь къ людямъ, кого-то ища. За ней почтительно слѣдуетъ усталый Климычъ.

БАХТИНА [идя, говоритъ сама съ собой].

И здѣсь нѣтъ... Никто не видалъ Тани... Куда она могла зайти... [Зоветъ охрипшимъ, отчаяннымъ голосомъ]. Танюшка... Таня!.. Господи, неужели погибла она?.. Таня!.. [Прислушивается]. Не подаетъ голоса... Ничего не слышно... Нигдѣ нѣтъ...

КЛИМЫЧЪ.

Богъ милостивъ, сударыня...

БАХТИНА [не слушая его].

Ежели она жива,—придетъ же она къ своему дому... По саду погорѣлое мѣсто узнаетъ... Она каждую дорожку въ саду знаетъ... всякую куртинку сама выходила...

КЛИМЫЧЪ [утѣшая Бахтину].

Какъ же, сударыня, барышнѣ своего сада не признать... Безпримѣнно признаютъ...

БАХТИНА [съ надеждой].

Ты думаешь, она жива, Климычъ... Жива моя доченька?..

КЛИМЫЧЪ.

Дастъ Богъ,—живы-съ... Вы бы, сударыня, отдохнули тутотка у церкви, на крылечкѣ... Съ утра ранняго бродимъ... ни на минуту не присѣли...

БАХТИНА [идя къ церкви].

Да, устала я, Климычъ... Ноги старыя,—отказываются...

КЛИМЫЧЪ.

Какъ не устать, сударыня...

БАХТИНА [подходя къ церкви].

Здравствуйте, добрые люди...

Потапъ и Марья молча кланяются.

БАХТИНА.

Не видали ли вы моей дочери?.. Тани?..

Потапъ и Марья съ недоумѣніемъ смотрятъ на Бахтину.

КЛИМЫЧЪ.

Не проходила тутотка барышня... изъ себя худая, черноволосая... въ свѣтломъ платьѣ?.. Не примѣтили?..

МАРЬЯ.

Не примѣтили, болѣзный!.. Слеза глаза застлала...

БАХТИНА.

Не видали Тани?..

МАРЬЯ.

Не видали, барыня... [Поетъ].

«Баю-баюшки, баю,
Баю дѣточку мою...
Бай бай, бай, усни,
Угомонъ тебя возьми, и т. д.».

БАХТИНА.

Никто не видалъ... Нигдѣ нѣтъ... [Опускается на крылечко церкви, подпираетъ лицо руками и сидитъ неподвижно, смотря въ одну точку, съ выраженіемъ безнадежнаго горя, быстро бормоча про себя. Климычъ отходитъ вглубь и съ усталостью, крехтя, садится на развалинахъ печки].

СТАРУХА-НИЩАЯ [подходя къ Климычу].

Твоя, что ли, барыня?..

КЛИМЫЧЪ.

Да, наша...

НИЩАЯ.

Чегой-то она убивается какъ... Аль померъ кто?..

КЛИМЫЧЪ.

Барышня наша, дочка ея, потерялась...

НИЩАЯ [сочувствуя].

А-а, матушки!.. Какъ же такъ, родимый?..

КЛИМЫЧЪ.

А такъ и потерялась... Хранцузы къ намъ въ домъ на постой зашли... А у насъ русскіе раненые стояли... Барыня заспорила съ ими... Они силкомъ... За барышней охвицеръ ихній, басурманскій, погнался... она отъ его на улицу... И какъ въ воду канула съ того раза...

НИЩАЯ.

Со страху, знать, болѣзная, куда забѣжала и заблудилась...

КЛИМЫЧЪ.

Да... Господь вѣдаетъ, что съ ей сталось... Хранцузы насъ изъ своего дома выгнали на улицу... Жениха барышнинаго арестовали... Дворня вся со страху поразбѣжалась... Поганцы разграбили все, разорили... Вчерась, подъ утро, домъ занялся и сгорѣлъ до тла... ничего не осталось... чисто!.. А барыня съ того самаго дня, какъ барышня наша пропала, вродѣ какъ въ умѣ повредилась... Не ѣстъ, не пьетъ ничего... И день и ночь по пожарищу въ округѣ бродитъ и все барышню по имени кличетъ... У кажнаго встрѣчнаго пытаетъ... А нѣшто кто знаетъ?.. Москва велика... Гдѣ найти... Може, сама барышня къ дому сюды прибредетъ какъ ни на есть... Да и мѣста-то не узнать... Все до-чиста выгорѣло,—гдѣ узнаешь... Вотъ и бродимъ съ утра до ночи, а съ ночи до утра... у всѣхъ пытаемъ... авось, молъ...

НИЩАЯ [сочувствуя].

Ай, родимый, кака бѣда приключилася!.. [Говорятъ про себя].

БРОДЯГА [подавая дѣвочкѣ хлѣбъ, банку варенья и картофель].

На вотъ... отнеси своему братишкѣ... Сама набила мамонъ и пошла вонъ!.. Такъ-то!.. А когда провизія выйдетъ, приходи опять сюды... Покричи подъ окномъ,—я выйду, еще дамъ. Ну, ступай съ Богомъ, ягодка...

ДѢВОЧКА [уходя].

Спасибо, дяденька...

БРОДЯГА [идя за ней].

Не на чемъ, милая... [Проходя мимо двороваго человѣка]. Что, братъ, и намъ съ тобой воля пришла... Удралъ отъ господъ... Гуляй,—не хочу... Радъ небось!..

ДВОРОВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

И то радъ! какъ не радоваться... Голодно только...

БРОДЯГА.

Зато слободно!.. Не мимо сказано: — хоть осинку гложу, да по волѣ хожу!.. Такъ-то! [Отходитъ].

КЛИМЫЧЪ [идущему мимо бродягѣ].

Не видалъ ли тутотка, молодецъ, гдѣ по близости барышню?.. Не проходила?

БРОДЯГА [насмѣшливо].

Таперича, старичокъ, пожаръ всѣхъ сровнялъ... Барышни отъ мужички не отличишь... Все едино—что медъ, что мякина!.. Такъ-то!..

КЛИМЫЧЪ [осердясь].

Я тебя добромъ спрашиваю, такъ ты добромъ и отвѣчай... Видалъ что ли?

БРОДЯГА.

Бродила тутъ неподалечку утромъ седня какая ни на есть... Съ виду, какъ-быть, барышня, а кто ее знаетъ... може и дворовая...

КЛИМЫЧЪ.

А изъ себя какая?..

БРОДЯГА.

Такъ щупленькая... чернявая...

КЛИМЫЧЪ [вставая].

А гдѣ ты видѣлъ ее?..

БРОДЯГА.

Тутъ неподалечко за домомъ въ саду бродила...

КЛИМЫЧЪ.

Въ голубенькомъ платьѣ?..

БРОДЯГА.

Кажись, бѣленькое платье... А вѣрно не упомню... кто знаетъ... [Показывая налѣво]. Вонъ въ той сторонѣ, коло дерёвъ бродила... [Уходитъ].

КЛИМЫЧЪ [подходя къ Бахтиной].

Сударыня!.. А, сударыня!..

БАХТИНА [опомнясь].

А!.. Что?.. Кто меня зоветъ?..

КЛИМЫЧЪ.

Я, сударыня... Климычъ...

БАХТИНА.

А... Ты, Климычъ... Что тебѣ?..

КЛИМЫЧЪ [осторожно].

Сударыня, кажись...

БАХТИНА [быстро вставая].

Что?.. Таня?.. Нашелъ, Климычъ?.. Жива моя Таня?..

КЛИМЫЧЪ.

Кажись, на слѣдъ, сударыня, напали...

БАХТИНА.

Гдѣ, Климычъ, гдѣ?.. Скорѣй веди меня къ ней, Климычъ... Скорѣй веди!.. [Дѣлаетъ шагъ и пошатывается].

КЛИМЫЧЪ [желая ей помочь].

Позвольте, матушка-барыня, я подмогу вамъ...

БАХТИНА [выпрямляясь].

Нѣтъ... Не надо, Климычъ, не надо!.. Спасибо тебѣ... Я сама... сама пойду... Скорѣй двигайся... Скорѣй!.. [Зоветъ съ отчаяніемъ въ голосѣ]. Та-

нюшка!.. Гдѣ ты, Таня?!.. Скорѣй иди, Климычъ... [Уходить, продолжая звать дочь]. Таня!... Танюшка!.. Таня, гдѣ ты?!

Голосъ Бахтиной постепенно затихаетъ вдали.

МАРЬЯ [со вздохомъ].

О Господи, какъ вопитъ, горемычная... ажно за сердце хватаетъ...

V.

Тѣ же и три француза-егеря.

Три француза-егеря выходятъ слѣва изъ глубины и останавливаются около Лысаго. Одинъ изъ егерей показываетъ ему на чуйку, заставляя ее снять.

ЛЫСЫЙ.

Что вы?.. Чуйку?.. Отдать вамъ?.. Ишь, лакомые!.. Какъ же?.. Я за ее десять цѣлковыхъ заплатилъ... Держи карманъ!.. Какъ же!..

Одинъ егерь беретъ Лысаго за воротъ, два другихъ снимаютъ съ него чуйку.

ЛЫСЫЙ [отбиваясь].

Что вы, нехристи!.. Что вы дѣлаете!.. Денной грабежъ!.. Нѣшто можно!.. [Стыдя ихъ]. Ай, ай, ай!.. а еще хранцузы называются... [Энергично]. Грабители вы, а не хранцузы!.. Стыда у васъ въ глазахъ ни на грошъ нѣтъ... Ироды вы!.. Вотъ что я вамъ скажу...

МАРЬЯ [въ страхѣ, толкая мужа].

Семенъ!.. а, Семенъ!.. Гляди-ка, хранцузы пришли, грабятъ...

СЕМЕНЪ [поднимая голову].

Гдѣ они?

МАРЬЯ.

Вонъ, видишь, старичка грабятъ... Уйдемъ, скорѣй!.. Уйдемъ отъ грѣха!..

СЕМЕНЪ.

Не бойся!.. Я въ обиду не дамся... [Медленно поднимается].

МАРЬЯ.

Что ты!.. Съ ума спятилъ... Ихъ трое,— ты одинъ!.. [Тащитъ его за рукавъ къ церкви]. Пойдемъ въ храмъ, схоронимся... Пойдемъ!..

СЕМЕНЪ.

Не пойду!

МАРЬЯ [въ отчаяніи].

Господи-Батюшка, защити насъ!.. Дѣдушка, прикажи ты ему... Хочетъ онъ, видно, погибели нашей!.. Пойдемъ, Семенъ!.. Ежели тебѣ меня не жалко, пожалѣй хошь ребенка малаго... Пойдемъ, говорю...

ПОТАПЪ.

Уйдемъ и то отъ грѣха, Семенъ!.. [Забираетъ узлы и тащитъ ихъ въ церковь].

СЕМЕНЪ [неохотно идя].

Пусть все грабятъ... Ничего таперя не жалко...

МАРЬЯ [въ страхѣ].

Идемъ, Семенъ, идемъ!.. [Тащитъ его за рукавъ]. Сюда глядятъ... Идемъ, проворнѣй!.. [Уводитъ его въ церковь].

Егеря, побродивъ по пожарищу, опускаются въ подвалъ.

VI.

Таня и **Лысый.**

Таня, страшно усталая, съ открытой головой, въ платьѣ, запачканномъ золой, грязью и пепломъ, еле передвигая ноги, идетъ изъ глубины справа, никого, видимо, не замѣчая, и опускается на бревна.

ЛЫСЫЙ [подходя къ ней].

Видѣла?..

ТАНЯ [поднимая голову].

Что ты говоришь?..

ЛЫСЫЙ [сокрушенно].

Видѣла, говорю, что разбойники дѣлаютъ?!.. Новую чуйку!.. Два раза надѣванную!... Десять цѣлковыхъ дадена!..

ТАНЯ [не понимая].

Какую чуйку?

ЛЫСЫЙ.

Новую, суконную чуйку средь бѣла дня съ живого человѣка сымаютъ!.. Хорошо аль нѣтъ?..

ТАНЯ.

Не понимаю, что ты говоришь, дѣдушка...

ЛЫСЫЙ [озлобленно].

Чуйку новую, суконную съ плечъ у меня сняли, грабители!.. Поняла?.. А еще хранцузы... Съ живого человѣка... [Увидавъ идущій отрядъ французовъ]. Вонъ... вонъ еще идутъ, треклятые!.. Рубашку еще снимутъ... Отъ ихъ станется... Уйдемъ, дѣвушка... [Уходя]. Уйдемъ отъ ихъ, грабителей... [Уходитъ].

VII.

Таня, Сибелевъ, отрядъ французовъ-конвойныхъ и русскіе плѣнные.

Справа быстро проходитъ отрядъ французовъ, окружая семь человѣкъ русскихъ, среди нихъ—Сибелевъ.

ТАНЯ [увидавъ Сибелева, вскакиваетъ].

Боже мой!.. Что это?.. Неужели Сережа?!.. [Отчаянно зоветъ его]. Сережа, ты?!.. Сережа!..

СИБЕЛЕВЪ [дѣлая къ ней шагъ].

Таня!.. Голубка моя!..

СЕРЖАНТЪ [отталкивая Таню].

Куда лѣзешь!.. Нельзя!.. [Толкая Сибелева прикладомъ]. Иди!.. Скорѣй!.. Иди!..

ТАНЯ [бѣжитъ за отрядомъ].

Куда вы ведете его?.. Онъ больной, раненый.. Онъ офицеръ... Вы не смѣете его бить!.. Не смѣете!.. Изверги!..

СЕРЖАНТЪ [злобно].

Его приказано разстрѣлять.

ТАНЯ [мгновенно останавливается, какъ въ столбнякѣ, съ широко открытыми глазами].

Что?!.. Что онъ сказалъ?.. Не поняла я... Кто?.. Кого разстрѣлять?.. Сережу?.. Нѣтъ, нѣтъ... Я не такъ разслышала... Того не можетъ быть... Не поняла я... Сережу разстрѣлять?.. За что?.. Нѣтъ, я брежу... я больна... у меня горячка... [Внезапно вскрикиваетъ, понявъ все]. Постойте!.. Постойте!.. Не уходите!.. Возьмите и меня... Убейте!.. [Дѣлаетъ быстро нѣсколько шаговъ за отрядомъ и падаетъ].

VIII.

Таня и Потапъ.

Потапъ выходитъ изъ церкви, спѣша на помощь.

ПОТАПЪ.

Кто тутъ вопитъ такъ?.. [Увидавъ лежащую безъ чувствъ Таню]. Чтой-то?.. Дѣушка... Убили, должно, нехристи!.. [Подходитъ къ Танѣ и беретъ ея руку]. Нѣтъ... живая... Обмерла, сердешная... со страху, должно... [Зоветъ]. Дѣушка... а, дѣушка!.. Очнись, болѣзная... очнись...

ТАНЯ [медленно поднимаясь].

Кто здѣсь?.. Гдѣ я?.. [Осматриваясь]. Пожарище кругомъ... Ты кто?.. Что тебѣ надо?..

ПОТАПЪ.

Не бойся, дѣушка, не бойся... Я свой... Пойдемъ въ храмъ.. Тамъ холодокъ... Голова у тебя отойдетъ... Помолишься Пречистой, все пройдетъ... Пойдемъ скорѣй... [Увидавъ, выходящихъ изъ погреба, егерей]. Вонъ нечестивцы опять вылѣзаютъ... Пойдемъ!..

ТАНЯ [полубезсознательно].

Куда ведешь ты меня?.. Зачѣмъ?.. Кто ударилъ меня по головѣ? [Берясь за голову]. Больно какъ... Больно... Ничего не помню... Кто ударилъ... Не помню.

ПОТАПЪ [уводя Таню въ церковь].

Помолишься, все какъ рукой сниметъ... Подемъ... Не одна ты, всѣ мы горе мычимъ... Такъ-то... [Уходятъ въ церковь].

IX.

Три егеря, 1 и 2 купчихи, 1 и 2 мѣщанки, 1 и 2 дворовыя женщины, купецъ-торговецъ, кучеръ, восемь солдатъ-мародеровъ изъ отряда Даву.

Изъ глубины выбѣгаетъ группа московскихъ жителей. Всѣ они, въ смертельномъ страхѣ, бѣгутъ по пожарищу, съ криками отчаянія и плачемъ. Женщины въ растерзанныхъ одеждахъ, нѣкоторые изъ мужчинъ босые, одежда въ безпорядкѣ. Мародеры гонятся за ними; срываютъ платки, ожерелья съ женщинъ, дерутся съ мужчинами, колотя ихъ тесаками. Егеря бросаются на женщинъ, загораживая имъ дорогу. Солдаты хватаютъ и цѣлуютъ женщинъ; тѣ отбиваются и кричатъ. Общая сумятица.

ПЕРВАЯ КУПЧИХА [выбѣгая].

Прогнѣвили мы Бога!.. Погибаемъ!.. Батюшки-святители, погибаемъ!..

Солдатъ, догнавъ ее, срываетъ съ нея платокъ.

ПЕРВАЯ КУПЧИХА [отбиваясь].

Креста на васъ нѣтъ!.. Живодеры! Караулъ!.. Православные, помогите!..

ВТОРАЯ КУПЧИХА [бросаясь на солдата].

На помощь! Православные, на помощь!

Солдатъ срываетъ съ нея ожерелье и серьги.

ВТОРАЯ КУПЧИХА [кричитъ отъ боли].

Ой!.. Батюшки, умираю!..

ТОРГОВЕЦЪ [отбиваясь отъ солдатъ, которые отнимаютъ у него лотокъ].

Не дамъ, не дамъ!.. Зарѣжьте лучше, не дамъ!.. Пусть пропадаетъ, а вамъ не достается!.. [Борется и отбивается].

ПЕРВАЯ ДВОРОВАЯ ЖЕНЩИНА.

Что ты дѣлаешь, охальникъ!.. Побойся Бога!.. [Вырываясь отъ егеря]. Уйди.. Зенки поганые вырву!.. Уйди!..

КУЧЕРЪ [отбиваясь кулаками].

На смерть укокошу, погань!.. Отъ грѣха уйди!.. Расшибу!.. Въ конецъ расшибу!..

ВТОРАЯ ДВОРОВАЯ ЖЕНЩИНА [умоляя солдата].

Не губи ты меня!.. Не губи вдову честную... Убей ты меня лучше!.. Не губи!..

ПЕРВАЯ ДВОРОВАЯ ЖЕНЩИНА [падая отъ удара].

Ой, убилъ!.. Убилъ, разбойникъ!..

X.

Тѣ же, Таня и Потапъ.

Таня стремительно выбѣгаетъ изъ церкви, таща за собой Потапа.

ТАНЯ [выбѣгая].

Пойдемъ, дѣдушка!.. пойдемъ скорѣй... Они убьютъ его... Разстрѣляютъ Сережу!.. Пойдемъ туда!..

ПОТАПЪ [удерживая Таню].

Куда ты... Шальная!.. Ты гляди, что дѣлается... Нѣшто пробьешься...

ПЕРВАЯ ДВОРОВАЯ ЖЕНЩИНА [вскрикивая отъ новаго удара].

Спасите!.. Убиваютъ!.. Помогите... Сжальтесь!.. [Стонетъ].

ТАНЯ [съ страшной силой].

Остановитесь!.. Не смѣйте бить ихъ!.. Вы не люди, не христіане, если такъ поступаете съ женщинами!.. Съ беззащитными людьми!.. Они не сдѣлали вамъ никакого зла... Не бейте ихъ, говорю я вамъ!..

ВТОРАЯ МѢЩАНКА [сильно].

Лучше умереть... погибнуть, чѣмъ отдать имъ себя на поруганіе живой!..

ТАНЯ [въ отчаяніи].

Боже!.. Что за ужасъ!.. Да неужели нѣтъ никого, кто бы защитилъ несчастныхъ!.. [Оборачивается къ дверямъ церкви и отчаянно зоветъ]. Здѣсь грабятъ!.. Убиваютъ русскихъ!.. Защитите!.. Защитите!..

XI.

Тѣ же, Семенъ, потомъ **бродяга.**

СЕМЕНЪ [выбѣгая и бросаясь на французовъ].

Поганцы!.. Басурмане!.. Безбожники!.. [Отбиваетъ у французовъ 2-ю купчиху].

ТАНЯ [увидавъ выходящаго изъ-за угла, съ узломъ въ рукѣ, бродягу, бросается къ нему].

Добрый человѣкъ, защити ихъ!.. Они безсильны... Несчастны!.. Помоги имъ!.. Если ты носишь крестъ, защити ихъ!..

БРОДЯГА [бросая узелъ, кидается на французовъ].

Не два раза помирать!.. Господи благослови!.. Ударяя солдата]. Вотъ тебѣ, окаянный!.. Не озоруй!..

XII.

Тѣ же и Марья.

Марья выбѣгаетъ изъ церкви и, увидѣвъ дерущимся своего мужа, бросается къ нему.

МАРЬЯ.

Семенъ, Семенъ!.. Они убьютъ тебя... Уйди отъ нихъ... Семенъ!..

ВТОРАЯ МѢЩАНКА [умоляя солдата].

Не тронь меня... Не бей... Сама отдамъ, не убивай только!..

ТАНЯ [подбѣгая къ ней на помощь].

Молю васъ... оставьте ее... Берите у меня все... все берите!.. [Срывая съ себя ожерелье]. Вотъ вамъ... Нате!.. Берите, но оставьте несчастную!..

XIII.

Тѣ же, Наполеонъ, Мортье, Сегюръ, Фріоль, Евгеній Богарнэ, Бельеръ, Лефевръ, Груши, Даву, Лелорнь, Рустанъ Мамелюкъ, два адъютанта, проводникъ-полякъ и пять гренадеровъ.

Наполеонъ появляется въ глубинѣ сцены, окруженный блестящей свитой.

ЕГЕРЬ-ФРАНЦУЗЪ [увидя его].

Императоръ!..

Французы-солдаты, по-одиночкѣ, бѣгутъ въ разныя стороны съ награбленнымъ добромъ. Русскіе жмутся въ одну кучку около сгорѣвшаго каменнаго дома. Таня, увидѣвъ Наполеона, отступаетъ къ церкви.

НАПОЛЕОНЪ [останавливаясь].

Куда завелъ онъ насъ?.. Отсюда нельзя выйти... Кругомъ пожарище...

ПРОВОДНИКЪ [въ страхѣ].

Я сбился съ дороги, государь... Все выгорѣло кругомъ; нѣтъ никакихъ примѣтъ... [Смотря

на церковь]. Но теперь по церкви я узнаю мѣстность... Надо идти сюда, государь... [Идетъ направо, указывая путь].

Наполеонъ, молча, идетъ за нимъ.

ЖИТЕЛИ [падая на колѣни].

Государь, защити насъ!.. Мы лишились крова... У насъ все погорѣло!.. Все имущество!.. Мы сидимъ безъ хлѣба... Твои солдаты грабятъ насъ... Обижаютъ женщинъ!.. Защити насъ!.. Не дай пропасть!.. Защити, государь!..

Наполеонъ останавливается, окидываетъ толпу презрительнымъ взглядомъ и, повернувшись къ нимъ спиной, идетъ за проводникомъ.

НАПОЛЕОНЪ [съ гадливостью].

Варвары и рабы!..

ТАНЯ [негодующая, быстро выходя ему навстрѣчу].

Ты варваръ!.. Ты кровожадный звѣрь, не знающій пощады!..

Наполеонъ вздрагиваетъ отъ неожиданности, дѣлаетъ шагъ назадъ и останавливается, смотря на Таню. Нѣсколько человѣкъ изъ свиты бросаются къ Танѣ и схватываютъ ее за руки.

XIV.

Тѣ же, Бахтина и **Климычъ.**

БАХТИНА [быстро выходя изъ глубины справа].

Сюда, Климычъ... Сюда... Я слышу голосъ Тани... Она здѣсь!.. [Увидавъ дочь, бросается къ ней со

слезами радости]. Таня!.. Нашла я тебя... Танюшка, доченька моя!...

Гренадеры заступаютъ ей дорогу.

ТАНЯ [услыхавъ голосъ матери, оборачивается и говоритъ со стономъ].

Маменька!...

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ V.

КАРТИНА V.

НАПОЛЕОНЪ ВЪ ПЕТРОВСКОМЪ ДВОРЦѢ.

Утро 5-го сентября 1812 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Наполеонъ Бонапартъ.
Герцогъ **Мортье.**
Графъ **Сегюръ.**
Госпожа **Оберъ-Шальме.**
Секретарь **Лелорнъ.**
Таня Бахтина.
Рустанъ Мамелюкъ.
Два гвардейца.

Кабинетъ Наполеона Бонапарта въ Петровскомъ дворцѣ Одна дверь въ срединѣ, другая въ лѣвой стѣнѣ, на второмъ планѣ; направо — окна. Въ простѣнкѣ, между оконъ, письменный столъ; налѣво, у стѣны, большой столъ, на которомъ разложены планы и карты Россіи и золотой ящичекъ съ булавками. Въ углу—диванъ, круглый столъ, кресла, по стѣнамъ—стулья.

I.

Наполеонъ одинъ.

Наполеонъ стоитъ у большого стола и сосредоточенно разсматриваетъ карту Россіи; размышляя, накалываетъ булавки съ разноцвѣтными головками.

НАПОЛЕОНЪ [бросая съ нервнымъ раздраженіемъ булавки].

Голова не работаетъ!.. Ничего не могу соображать!.. [Ходя по кабинету]. Мною овладѣваетъ бѣшенство!.. Москва не существуетъ!.. Пропала награда, которую я обѣщалъ моей храброй арміи!.. [Вздрагиваетъ и снова начинаетъ ходить тревожными шагами по комнатѣ; вынимаетъ платокъ, мнетъ его въ рукѣ и затѣмъ машинально кладетъ въ другой карманъ; внезапно останавливается, нюхаетъ табакъ, затѣмъ стремительно подходитъ къ окну и останавливается въ амбразурѣ окна, скрестивъ руки]. Горитъ весь городъ... Море огня... Какое ужасное зрѣлище!.. Сколько прекрасныхъ зданій!.. Они жгутъ сами то, что создали столѣтіями сорокъ поколѣній!.. Скиѳы!.. [Помолчавъ, говоритъ въ раздумьи]. Пожаръ Москвы предвѣщаетъ намъ великія бѣдствія!.. [Задумывается].

II.

Наполеонъ и **Лелорнъ.**

ЛЕЛОРНЪ [осторожно входя].

Приказали явиться, ваше величество...

НАПОЛЕОНЪ [вздрагивая].

Кто здѣсь?!

ЛЕЛОРНЬ.

Секретарь Лелорнь, государь.

НАПОЛЕОНЪ [не оборачиваясь, грубымъ тономъ].

Можете идти... Приказовъ сегодня не будетъ...

Лелорнь направляется къ двери.

НАПОЛЕОНЪ.

Графъ Сегюръ здѣсь?

ЛЕЛОРНЬ.

Графъ Сегюръ въ пріемной, государь.

НАПОЛЕОНЪ.

Попросите графа ко мнѣ.

ЛЕЛОРНЬ [уходя].

Слушаю, ваше величество.

Лелорнь уходитъ. Наполеонъ, бормоча про себя, начинаетъ снова ходить по комнатѣ.

НАПОЛЕОНЪ.

Пожаръ Москвы разбилъ мои планы... Войска утомлены быстрыми походами... Они лишены крова, нуждаются въ продовольствіи и одеждѣ... Все, что я добылъ такими невѣроятными усиліями, все уничтожено въ одну ночь... Что за народъ!... Ни покорности, ни страха!.. Я побѣжденъ варварами...

III.

Наполеонъ и графъ **Сегюръ.**

НАПОЛЕОНЪ [привѣтливо].

Добрый день, графъ!..

ГРАФЪ СЕГЮРЪ [кланяясь].

Какъ изволили провести ночь, государь?

НАПОЛЕОНЪ.

Я плохо спалъ... Меня все еще безпокоитъ насморкъ... Голова тяжела... [Понюхавъ табаку]. На дняхъ я думаю сдѣлать смотръ войскамъ... Москву надо оставить... Я пойду на Кутузова и разгромлю его... Я уже составилъ планъ движенія на Петербургъ... Кутузовъ, старая лисица, теперь не уйдетъ отъ меня... Чѣмъ поспѣшнѣе мы двинемся, тѣмъ лучше...

СЕГЮРЪ [съ осторожностью].

Войска утомлены, государь... Имъ необходимъ отдыхъ... Надо излѣчить раненыхъ...

НАПОЛЕОНЪ [перебивая Сегюра].

Лишь только я покажусь передъ войскомъ,— оно будетъ бодро!.. Въ Москвѣ оставаться нельзя... Продовольствіе погибло въ пламени вмѣстѣ съ домами... Бездѣйствіе развратитъ солдатъ... Я поведу ихъ къ новымъ побѣдамъ!.. [Въ бѣшенствѣ]. Я удобрю русскія поля русской

кровью!.. Я не забуду имъ пожара Москвы!. [Пройдясь]. Если маршалы откажутся идти,—я. надѣлаю сотни новыхъ маршаловъ, но я поведу въ Петербургъ мою армію!.. [Снова пройдясь нѣсколько разъ по комнатѣ]. Воображаю, что заговоритъ Европа, когда узнаетъ о пожарѣ Москвы!.. Онъ повергнетъ Парижъ и всю Европу въ изумленіе и ужасъ... Они припишутъ мнѣ сожженіе Москвы!.. Они завидуютъ мнѣ, моимъ побѣдамъ, моей славѣ... ищутъ мнѣ соперника... Они думаютъ, что нашли его въ лицѣ императора Александра... Разъ я уступлю, могутъ послѣдовать ужасныя, опустошительныя для всей Европы войны... Прольется море крови!.. Во что бы то ни стало,—надо идти впередъ!..

СЕГЮРЪ.

Но... какъ оставить Москву, государь?..

НАПОЛЕОНЪ.

Москва въ военномъ отношеніи ничего не стоитъ... Москва—не военная позиція, а политическая... Никогда не слѣдуетъ отступать... Надо упорно идти впередъ... Я иду на Петербургъ!.. Я оставлю въ Москвѣ сильный гарнизонъ, устрою городовое управленіе... Я привлеку на свою сторону народъ,—дамъ ему свободныя учрежденія... Я заставлю русскій народъ благословлять меня и Францію!.. Европа хочетъ видѣть во мнѣ только генерала, но я императоръ!..

СЕГЮРЪ.

Ваше правленіе блистательно это доказало, государь...

НАПОЛЕОНЪ [внезапно впадая въ отчаяніе].

Да, графъ, но все, что мною пріобрѣтено такими нечеловѣческими усиліями, все можетъ погибнуть отъ одной проигранной кампаніи... Идя въ походъ на Россію, я все предусмотрѣлъ, все разсчиталъ... но я никакъ не могъ, чортъ побери, предвидѣть пожара Москвы... Русскіе—варвары,—они поражаютъ меня своей рѣшимостью!.. Но я глубоко убѣжденъ, что императоръ Александръ, узнавъ о занятіи мною Москвы, заключитъ со мною миръ...

СЕГЮРЪ.

Сожженіе Москвы русскими даетъ поводъ сомнѣваться въ томъ, государь...

НАПОЛЕОНЪ [перебивая Сегюра].

Сожженіе Москвы—дѣло безумца, графа Ростопчина... Онъ—новый Геростратъ!.. Императоръ Александръ не знаетъ о поджогѣ столицы... Если черезъ два дня они не попросятъ мира, я двинусь на Петербургъ... Русскіе не выиграли ни одного сраженія и потеряли уже болѣе половины арміи... Если они были разбиты при Бородинѣ, то теперь я разгромлю ихъ на голову!!. [Понюхавъ табаку]. Впрочемъ, до того не дойдетъ... Императоръ Александръ не дове-

детъ меня до новаго кровопролитія... Мы войдемъ съ нимъ въ соглашеніе, и онъ подпишетъ миръ. [Останавливаясь неожиданно противъ Сегюра]. Прошу васъ, графъ, узнайте сейчасъ же у Мюрата о позиціяхъ русскихъ и немедленно сообщите мнѣ...

СЕГЮРЪ [кланяясь].

Слушаю, государь! [Поспѣшно уходитъ].

НАПОЛЕОНЪ [одинъ].

Чего я такъ волнуюсь?.. Надняхъ я получу просьбу о мирѣ и уйду съ тріумфомъ въ Парижъ!.. Францію не пріучишь къ моему отсутствію... Можно ходить далеко, но не слѣдуетъ долго оставаться внѣ дома. Парижъ призываетъ меня сильнѣй, чѣмъ манитъ Петербургъ... Чѣмъ скорѣй все кончится—тѣмъ лучше!.. [Подходитъ къ письменному столу и звонитъ].

IV.

Наполеонъ и **Рустанъ**.

Рустанъ выходитъ изъ двери налѣво.

НАПОЛЕОНЪ.

Здѣсь госпожа Оберъ-Шальме?

РУСТАНЪ.

Герцогъ Трезвинскій бесѣдуетъ съ ней въ гостиной, ваше величество.

НАПОЛЕОНЪ.

Попросите ее ко мнѣ. [Останавливается въ амбразурѣ окна].

Рустанъ уходитъ.

V.

Наполеонъ и **Оберъ-Шальме.**

Оберъ-Шальме входитъ слѣва и у дверей дѣлаетъ глубокій реверансъ.

НАПОЛЕОНЪ [оборачиваясь].

Вы очень несчастны, сударыня, какъ я слышалъ?.. Вы понесли большія потери?

ОБЕРЪ-ШАЛЬМЕ.

Да, государь, все мое состояніе, около шестисотъ тысячъ, погибло въ катастрофѣ... Кромѣ того, я должна до трехсотъ тысячъ... Мое положеніе ужасно!.. Я разорена...

НАПОЛЕОНЪ.

Успокойтесь, сударыня... Я устрою ваше дѣло...

ОБЕРЪ-ШАЛЬМЕ.

Позвольте мнѣ надѣяться, государь, что вы защитите меня отъ моихъ кредиторовъ...

НАПОЛЕОНЪ [любезно улыбаясь].

Будьте увѣрены, сударыня, что ваше дѣло въ хорошихъ рукахъ.

ОБЕРЪ-ШАЛЬМЕ [дѣлая реверансъ].

Не знаю, какъ благодарить васъ, государь!

НАПОЛЕОНЪ.

Вашъ мужъ высланъ изъ Москвы?

ОБЕРЪ-ШАЛЬМЕ.

О, государь, то безчеловѣчный поступокъ!.. Графъ Ростопчинъ арестовалъ его, какъ многихъ другихъ ни въ чемъ неповинныхъ французовъ, и на баркѣ отправилъ въ Нижній-Новгородъ...

НАПОЛЕОНЪ [злобно].

Это не самый худшій его поступокъ!.. Онъ сжегъ Москву... Онъ преступникъ... Русскій Маратъ!.. На мѣстѣ императора Александра, я разстрѣлялъ бы его!.. [Быстро пройдясь по комнатѣ]. Москва пуста... Ни одного человѣка въ городѣ... Скажите, почему жители покинули городъ?

ОБЕРЪ-ШАЛЬМЕ.

Страхъ передъ движеніемъ вашихъ побѣдоносныхъ войскъ, государь, выгналъ ихъ изъ Москвы...

НАПОЛЕОНЪ.

Варварство!.. Въ Вѣнѣ, Мадридѣ и Берлинѣ всѣ оставались въ городахъ... и власти, и жители... Я сумѣлъ сохранить тамъ порядокъ... полную общественную безопасность... Во всемъ

виноватъ Ростопчинъ... Онъ сумасшедшій!.. [Неожиданно обращаясь къ Оберъ-Шальме]. Вы давно живете въ Москвѣ?

ОБЕРЪ-ШАЛЬМЕ.

Я... болѣе десяти лѣтъ, государь...

НАПОЛЕОНЪ.

Скажите, откуда Москва получаетъ продовольствіе?

ОБЕРЪ-ШАЛЬМЕ.

Скотъ и хлѣбъ изъ южныхъ губерній; овощи, птицу, фрукты изъ ближнихъ деревень...

НАПОЛЕОНЪ.

Все доставляютъ крестьяне въ городъ?..

ОБЕРЪ-ШАЛЬМЕ.

Купцы и крестьяне, государь...

НАПОЛЕОНЪ.

Русскіе — хорошій народъ!.. Все, что я видѣлъ, начиная отъ границы до Москвы, показало мнѣ, что Россія прекрасная страна... Повсюду обработанныя поля, повсюду жилища.. Но народъ въ рабствѣ у дворянъ... Что вы думаете о предположеніи освободить крѣпостныхъ людей, сударыня?..

ОБЕРЪ-ШАЛЬМЕ.

Я, право, не знаю, какъ сказать, государь...

НАПОЛЕОНЪ.

Говорите то, что вы думаете...

ОБЕРЪ-ШАЛЬМЕ.

Если ваше величество позволите мнѣ откровенно выразить мое мнѣніе объ освобожденіи крестьянъ... то я смѣю замѣтить, что едва ли треть изъ нихъ пойметъ ваше благодѣяніе, государь... Остальные не поймутъ даже, о чемъ имъ говорятъ...

НАПОЛЕОНЪ.

Но рѣчи и примѣръ понявшихъ увлекутъ за собой остальныхъ...

ОБЕРЪ-ШАЛЬМЕ.

Ваше величество можете ошибиться...

НАПОЛЕОНЪ [иронически].

Да?.. Вы думаете, сударыня?..

ОБЕРЪ-ШАЛЬМЕ.

Здѣсь не то, что въ Европѣ... Русскій крестьянинъ очень недовѣрчивъ... Его трудно расшевелить... Дворяне не замедлятъ воспользоваться минутою колебанія и представятъ ваши новыя идеи, какъ безбожныя и нечестивыя... Увлечь народъ освобожденіемъ будетъ чрезвычайно трудно... даже невозможно!..

Наполеонъ, видимо недовольный отвѣтомъ, нюхаетъ табакъ и прохаживается по комнатѣ.

НАПОЛЕОНЪ [останавливается].

Я постараюсь исполнить все, о чемъ вы просите, сударыня... Мы еще, вѣроятно, увидимся...

ОБЕРЪ-ШАЛЬМЕ [дѣлая глубокій реверансъ].

Ваша милость не знаетъ границъ, государь!

У двери дѣлаетъ еще разъ глубокій реверансъ и уходитъ.

НАПОЛЕОНЪ [одинъ].

Женщина всегда останется женщиной!.. Она ничего не смыслитъ въ политикѣ!.. Зачѣмъ я трачу время на пустяки... Я теряю голову. [Звонитъ и, заложивъ руки назадъ, ходитъ по комнатѣ].

VI.

Наполеонъ, Рустанъ, затѣмъ герцогъ **Мортье.**

Рустанъ появляется слѣва.

НАПОЛЕОНЪ.

Попросите ко мнѣ герцога Мортье.

Рустанъ уходитъ.

Наполеонъ подходитъ къ столу, гдѣ разложены планы, задумывается, втыкаетъ двѣ-три булавки. Входитъ изъ средней двери герцогъ Мортье и молча останавливается у стола справа.

НАПОЛЕОНЪ [не оборачиваясь].

Передали вы, герцогъ, генералу Бертье приказаніе назначить комиссію для суда надъ поджигателями?

МОРТЬЕ.

Передалъ еще вчера, ваше величество.

НАПОЛЕОНЪ.

Вышелъ приказъ?

МОРТЬЕ.

Сегодня утромъ, ваше величество.

НАПОЛЕОНЪ.

Кто предсѣдатель?

МОРТЬЕ.

Главный судья арміи, генералъ Лауеръ.

НАПОЛЕОНЪ.

Много поймано поджигателей?

МОРТЬЕ.

Около пятидесяти человѣкъ, государь.

НАПОЛЕОНЪ.

Что показалъ полицейскій чиновникъ, пойманный вчера въ Кремлѣ?

МОРТЬЕ.

На вопросы: отчего горитъ Москва, кто велѣлъ поджечь городъ, зачѣмъ увезены пожарныя трубы, зачѣмъ онъ самъ остался въ Москвѣ?—онъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ, а остался въ Москвѣ потому, что не успѣлъ выѣхать.

НАПОЛЕОНЪ.

Вы ему вѣрите, герцогъ?

МОРТЬЕ.

Мнѣ кажется, — онъ все знаетъ, но не хочетъ сознаться.

НАПОЛЕОНЪ.

Допросить и разстрѣлять.... А что показала женщина, бросившаяся вчера на меня?

МОРТЬЕ.

Она не отвѣчаетъ ни на одинъ вопросъ, государь.

НАПОЛЕОНЪ.

Кто она?

МОРТЬЕ.

Старуха, которую мы арестовали, показала, что дѣвушка—ея дочь, дворянка Татьяна Бахтина.

НАПОЛЕОНЪ.

Дворянка?

МОРТЬЕ.

Старуха такъ показала.

НАПОЛЕОНЪ.

Гдѣ она содержится?

МОРТЬЕ.

Въ одномъ изъ подваловъ дворца, ваше величество, подъ строгимъ карауломъ.

НАПОЛЕОНЪ.

Приведите ее ко мнѣ... Я самъ допрошу ее.

МОРТЬЕ [удивленно].

Вы сами, государь?..

НАПОЛЕОНЪ.

Да, я хочу ее видѣть...

МОРТЬЕ.

Но, ваше величество...

НАПОЛЕОНЪ [грубо].

Я такъ хочу, герцогъ!..

Герцогъ Мортье кланяется и уходитъ. Наполеонъ, взволнованный, быстрыми шагами ходитъ по комнатѣ; то внезапно останавливается, смотря въ одну точку, то снова начинаетъ ходить, быстро вертя въ рукахъ табакерку; подходитъ къ столу, смотритъ на планы, затѣмъ отходитъ къ письменному столу, оглядывается на дверь и, скрестивъ руки на груди, опирается на столъ.

VII.

Наполеонъ, герцогъ **Мортье, Таня** и два гвардейца.

Мортье отходитъ въ глубину комнаты; гвардейцы остаются у дверей. Таня дѣлаетъ два шага, поднимаетъ голову и, увидавъ Наполеона, останавливается, смотря ему въ глаза.

НАПОЛЕОНЪ [помолчавъ].

Ваше имя—Татьяна Бахтина?

ТАНЯ [удивленная].

Да.

НАПОЛЕОНЪ.

Вы—дворянка?

ТАНЯ [твердо].

Да.

НАПОЛЕОНЪ.

Вы остались въ Москвѣ, замысливъ совершить на меня покушеніе?

ТАНЯ.

Нѣтъ.

НАПОЛЕОНЪ.

Почему вы остались въ Москвѣ?

ТАНЯ.

Я ухаживала за ранеными, помѣщенными въ нашемъ домѣ.

НАПОЛЕОНЪ [грубо].

Вы лжете!

Таня, молча, смѣриваетъ его взглядомъ.

НАПОЛЕОНЪ.

При арестѣ, у васъ былъ отобранъ заряженный пистолетъ.

ТАНЯ.

Я взяла его, чтобы защитить себя отъ насилія французскаго офицера.

НАПОЛЕОНЪ.

Новая ложь!.. Не скрывайте ничего... Скажите, что побудило васъ совершить злодѣяніе?

Таня молчитъ, но въ ней, видимо, ростетъ душевное волненіе.

НАПОЛЕОНЪ.

Я васъ спрашиваю... Не бойтесь... Говорите все откровенно.

ТАНЯ.

Я не боюсь.

НАПОЛЕОНЪ.

Васъ заставили убить меня... подговорили?.. Скажите правду, сообщите имена вашихъ сообщниковъ... Я облегчу вашу участь...

ТАНЯ.

Мой сообщникъ—весь русскій народъ... Мнѣ не нужно твоей милости... Я ненавижу тебя всей душой за то, что ты сдѣлалъ Россіи...

НАПОЛЕОНЪ.

Я хотѣлъ мира... Меня принудили къ войнѣ...

ТАНЯ [все болѣе волнуясь].

Ты залилъ Россію людской кровью, опустошилъ ея поля, сжегъ деревни и села...

НАПОЛЕОНЪ.

Русскіе сами жгутъ города и села...

ТАНЯ [воодушевленно].

Какъ Божій бичъ, ты съ пожаромъ и мечемъ прошелъ по всей Россіи, усѣялъ ее трупами... Слезы, вопли и проклятія провожаютъ и встрѣчаютъ тебя... Гдѣ ступитъ твоя нога,—тамъ все гибнетъ, все обращается въ прахъ!..

НАПОЛЕОНЪ [иронически улыбаясь].

Ты набила себѣ голову пустяками, милая...

ТАНЯ [сильно, воодушевленно, въ душевномъ экстазѣ].

Ты самъ просилъ сказать тебѣ всю правду... Такъ слушай же!.. Все ты попралъ... все пренебрегъ... И Божескіе и человѣческіе законы... Но милосердію Божьему насталъ конецъ! [Показывая рукой въ окно]. Взгляни въ окно!.. Горитъ Москва со всѣхъ концовъ!.. Въ ея дыму и пламени погибнетъ твоя слава!..

Наполеонъ невольно вздрагиваетъ, пристально смотря на Таню.

ТАНЯ.

Горитъ Москва и съ ней горитъ все, что ты добылъ цѣною крови, грабежа, насилья!..

Все бросилъ въ огонь русскій народъ: дома, имущество, все достояніе свое... но не отдастъ тебѣ своей свободы!.. Твои солдаты нападаютъ на беззащитныхъ, оскверняютъ святыни, грабятъ и убиваютъ людей, лишенныхъ пристанища... Имъ мало крови, что ты заставилъ ихъ пролить на поляхъ всего міра!.. Ты отдалъ на разграбленіе Москву,—и вмѣстѣ съ дымомъ пожара къ небу летятъ стоны женъ и матерей!.. Но и ты до конца испьешь ниспосланную чашу... Въ мукахъ ты будешь умирать, проклиная часъ, когда мать родила тебя на свѣтъ!..

НАПОЛЕОНЪ.

Уведите ее... Она сошла съ ума...

ТАНЯ.

Будь проклятъ ты, кровожадный звѣрь, не знающій жалости...

НАПОЛЕОНЪ [грозно].

Солдаты, возьмите ее и разстрѣляйте!..

ТАНЯ.

Я не боюсь смерти!.. Я готова на все!.. Скорѣй вели казнить меня!..

Солдаты берутъ Таню за руки и ведутъ къ двери.

ТАНЯ [продолжая кричать, задыхаясь].

Умирая, ты увидишь пожаръ Москвы!.. Стоны матерей отравятъ тебѣ послѣдній вздохъ!..

Солдаты уводятъ Таню.

Наполеонъ дѣлаетъ знакъ герцогу Мортье; тотъ быстро уходитъ.

НАПОЛЕОНЪ [сумрачно].

Она безумная... [Опускаясь въ кресло]. Безумная...

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ V.

КАРТИНА VI.

У РѢКИ БЕРЕЗИНЫ.

Вечеръ 16-го ноября 1812 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Наполеонъ Бонапартъ.
Мюратъ.
Ней.
Даву.
Дюрокъ.
Графъ **Фріоль.**
Іосифъ Понятовскій.
Евгеній Богарнэ.
Бертье.
Бессьеръ.
Груши.
Мамелюкъ Рустанъ.
Адьютанты императора.
Таня Бахтина.
Денисъ Давыдовъ, русскій партизанъ.

Казакъ Васенко.
Сержантъ.
Одинъ изъ больныхъ.
Адъютантъ маршала Виктора.
Старый гвардеецъ.
Солдатъ-саперъ.
Больной офицеръ.
Раненый солдатъ.
Маркитантка, женщина лѣтъ 25, съ ребенкомъ.
Гвардеецъ, лѣтъ 30-ти.
Понтонеръ, лѣтъ 25-ти.
Капралъ.
Докторъ.
Раненые и замерзающіе офицеры и солдаты разнаго рода оружія французской арміи, казаки партизанскаго отряда Давыдова.

— —

Обширная равнина на правомъ берегу рѣки Березины, покрытая снѣгомъ, изъ-подъ котораго кое-гдѣ пробивается мелкій кустарникъ. На большомъ пространствѣ разбросаны стоги сѣна, полузанесенные снѣгомъ, огороженные изгородями. Вдали, налѣво, виденъ изгибъ рѣки Березины, направо—деревушка. На горизонтѣ—рѣдкій сосновый боръ. На второмъ планѣ, налѣво — большой костеръ изъ валежника. Направо — навѣсъ полуразрушеннаго сарая. Около него стоитъ лазаретная фура; разложенъ костеръ изъ досокъ сарая. По первому плану, мимо сарая, тянется дорога, уходя налѣво въ глубину и теряясь въ опушкѣ лѣса. По краямъ дороги и по равнинѣ видны трупы замерзшихъ солдатъ и лошадей, сломанные лафеты, зарядные ящики, награбленное имущество, орудія, ружья, сломанныя повозки.

Равнину освѣщаютъ красноватые лучи заходящаго солнца, постепенно угасающаго.

Вдали слышна канонада изъ орудій, то умолкающая, то гремящая.

I.

Наполеонъ, Мюратъ, Ней, Даву, Дюронъ, графъ **Фріоль, Іосифъ Понятовскій, Евгеній Богарнэ, Бертье, Бессьеръ, Груши, адъютанты Наполеона, Мамелюкъ Рустанъ, докторъ**-французъ, **Таня Бахтина, раненые французскіе офицеры и солдаты.**

Наполеонъ сидитъ передъ костромъ налѣво, на барабанѣ, спиной къ дорогѣ. Онъ одѣтъ въ шубу, подаренную ему императоромъ Александромъ. Глубоко задумавшись, грустно смотритъ онъ на костеръ, гдѣ сжигаютъ знамена. Справа костра нѣсколько старыхъ угрюмыхъ гренадеръ держатъ надъ огнемъ знамена; слѣва—барабанщикъ бьетъ въ барабанъ; взводъ гренадеръ держитъ ружья на караулъ. За Наполеономъ, въ двухъ шагахъ, стоитъ его свита. Многіе изъ маршаловъ обнажили головы, другіе взяли руку подъ козырекъ. Около стога Мамелюкъ Рустанъ держитъ двухъ осѣдланныхъ коней. Направо, у навѣса, расположилась группа полузамерзшихъ солдатъ и на штыкѣ жарятъ кусокъ конины. Подъ навѣсомъ лежатъ и сидятъ раненые, больные, полузамерзшіе французы. За ними ухаживаютъ докторъ-французъ и Таня Бахтина. По дорогѣ все время тянутся отсталые великой арміи. Оборванные, одѣтые въ рубище, въ женскіе салопы, рваныя свитки, съ ногами, обернутыми соломой, тряпками, небритые, обросшіе бородами, они еле бредутъ по дорогѣ, угрюмые, усталые, съ понурыми головами, окутанными платками, шарфами, мѣшками. У костра справа сидятъ нѣсколько солдатъ разныхъ полковъ и жадно ѣдятъ полужареную конину. Подъ навѣсомъ, примостившись на кадкѣ, Таня, одѣтая во французскую солдатскую шинель, пишетъ письмо подъ диктовку умирающаго солдата-француза.

При открытіи занавѣса, послѣднее знамя догораетъ. Барабанщикъ перестаетъ бить. Гвардейцы берутъ къ ногѣ.

НАПОЛЕОНЪ [печально говоритъ про себя].

Послѣднее знамя погибло въ огнѣ... Они были со мной неразлучны... Они видѣли мою славу, мои побѣды... Іена... Аустерлицъ... Ма-

ренго... Фридляндъ... Ваграмъ... Бородино... Всюду за мной летали мои орлы... Одинъ ихъ видъ наводилъ ужасъ на непріятеля и воодушевлялъ моихъ солдатъ... Нѣтъ арміи... не нужно знаменъ... [Грустно качая головой]. Полтава... Полтава... Чего не могли сдѣлать люди, — совершили стихіи: — пожаръ и холодъ... [Смотря на костеръ]. Отъ славныхъ трофеевъ осталась кучка тлѣющей золы... Такъ кончилась одна изъ самыхъ блестящихъ, самыхъ обдуманныхъ моихъ кампаній... Моя звѣзда склоняется на западъ... [Вздрогнувъ]. Надо спѣшить въ Парижъ!.. Еще не все пропало... Я соберу новую армію... Я не уступлю!.. [Задумывается].

II.

Тѣ же и адъютантъ маршала Виктора.

Адъютантъ быстро влетаетъ справа на конѣ и, увидавъ Наполеона, осаживаетъ коня. Наполеонъ, не оборачиваясь, продолжаетъ сидѣть, глубоко задумавшись.

МАРШАЛЪ ДАВУ [адъютанту].

Что тамъ такое?

АДЪЮТАНТЪ.

Маршалъ Викторъ поручилъ мнѣ донести императору, что непріятельскія колонны подъ командой Витгенштейна наступаютъ съ стремительной быстротой на аріергардъ.

МАРШАЛЪ ДАВУ [Наполеону].

Государь!

НАПОЛЕОНЪ [вздрогнувъ].

А?.. Что такое?

МАРШАЛЪ ДАВУ.

Непріятель тѣснитъ нашъ аріергардъ... Сопротивленіе становится невозможнымъ...

НАПОЛЕОНЪ.

Прикажите маршалу Виктору немедленно отступать. Перейти на правый берегъ Березины! Сжечь мосты!

МАРШАЛЪ ДАВУ.

На лѣвомъ берегу большая часть обоза и много отставшихъ.

НАПОЛЕОНЪ [твердо].

Перейти на правый берегъ и, не медля ни минуты, зажечь мосты!.. Коня мнѣ! [Встаетъ].

Маршалъ Даву передаетъ приказаніе Наполеона адъютанту; тотъ скачетъ обратно. Въ свитѣ движеніе. Рустанъ подаетъ лошадь. Наполеонъ быстро вскакиваетъ на нее. Въ это время одинъ изъ старыхъ гвардейцевъ, сидящихъ у костра направо, громко кричитъ: «Да здравствуетъ императоръ!» Остальные подхватываютъ. Наполеонъ, ни на кого не обращая вниманія, понуривъ голову, медленно уѣзжаетъ влѣво. Свита за нимъ.

СТАРЫЙ ГВАРДЕЕЦЪ [хвастливо].

Ты видѣлъ, какъ онъ посмотрѣлъ на меня?..

САПЕРЪ.

Ему, землячокъ, теперь не до тебя...

СТАРЫЙ ГВАРДЕЕЦЪ [съ гордостью].

Онъ узналъ меня... Я былъ съ нимъ въ двадцати сраженьяхъ... Отстоялъ его своей грудью, когда на него подъ Калугой напали казаки... Онъ узналъ меня и поблагодарилъ взглядомъ...

САПЕРЪ [насмѣшливо].

Лучше бы онъ, вмѣсто взгляда, далъ тебѣ щепотку табаку... Ты, поди, съ Москвы не курилъ трубочки...

СТАРЫЙ ГВАРДЕЕЦЪ.

Молчи, щенокъ!.. Не смѣй издѣваться!..

БОЛЬНОЙ ОФИЦЕРЪ [лежитъ на соломѣ подъ навѣсомъ и бредитъ].

Да здравствуетъ императоръ!.. Онъ мчится на конѣ по полю... Я вижу его... Онъ около меня... совсѣмъ близко... Кровь, кровь кругомъ!.. Все поле залито кровью... Императоръ весь въ крови... Казаки рѣжутъ меня на части... Гдѣ моя голова?.. Ее оторвало ядро... Она катится по полю... [Вставая]. Вонъ она... Вонъ катится...

ТАНЯ [подходя къ нему].

Успокойся... Твоя голова цѣла... Прилягъ...

БОЛЬНОЙ ОФИЦЕРЪ.

Пить... Пить... Я умираю отъ жары...

ТАНЯ [подавая воду].

На вотъ... выпей...

БОЛЬНОЙ ОФИЦЕРЪ [выпивъ воды].

Благодарю тебя... Ты моя сестра?..

ТАНЯ [успокаивая его].

Да, да... твоя сестра...

БОЛЬНОЙ ОФИЦЕРЪ.

Милая Франсуаза... ты такая добрая... Я дома, во Франціи... въ своей семьѣ... Мнѣ такъ отрадно... тепло...

ТАНЯ.

Да, ты дома... Успокойся же... Лягъ... Усни...

БОЛЬНОЙ ОФИЦЕРЪ [быстро вскакивая и дико блуждая глазами].

Пушки!.. Опять пушки!.. Я слышу выстрѣлы!.. Да здравствуетъ императоръ!.. Гдѣ мой пистолетъ? Скорѣй, на приступъ!.. Впередъ, братья... [Затихая]. На приступъ!.. [Падаетъ навзничь].

Таня закрываетъ его шинелью.

РАНЕНЫЙ СОЛДАТЪ [нетерпѣливо зоветъ].

Сестра... сестра!..

ТАНЯ.

Сейчасъ, иду...

РАНЕНЫЙ СОЛДАТЪ.

Сестра, ты написала письмо?

ТАНЯ [подходя къ нему].

Написала...

РАНЕНЫЙ СОЛДАТЪ.

Будь добра, припиши еще два слова...

ТАНЯ [садясь].

Что ты хочешь еще приписать?..

РАНЕНЫЙ СОЛДАТЪ.

Пиши... «Я чувствую приближеніе смерти. Цѣлую въ послѣдній разъ тебя, безцѣнная Марта»... Написала «безцѣнная Марта»?..

ТАНЯ.

Да, да... написала...

РАНЕНЫЙ СОЛДАТЪ.

И шлю благословеніе моимъ малюткамъ».. Написала?

ТАНЯ.

Да...

РАНЕНЫЙ СОЛДАТЪ.

Ты отошлешь его, сестра, когда придете въ городъ... Я останусь здѣсь... Я не увижу Франціи... Дай мнѣ твою руку.

ТАНЯ.

Изволь...

РАНЕНЫЙ СОЛДАТЪ [цѣлуя ея руку].

Благодарю тебя...

ТАНЯ [отнимая руку].

Зачѣмъ?.. Не надо... не надо...

РАНЕНЫЙ СОЛДАТЪ.

Ты ангелъ, слетѣвшій съ неба, чтобы утѣшить меня передъ смертью... Благодарю тебя... Благодарю...

ТАНЯ.

Не за что... не за что...

У костра налѣво, гдѣ сидѣлъ Наполеонъ, собралась группа солдатъ; они жарятъ конину и жадно ѣдятъ.

III.

Тѣ же и маркитантка съ ребенкомъ на рукахъ.

По дорогѣ, еле волоча ноги, идетъ маркитантка и, дойдя до костра у сарая, падаетъ въ изнеможеніи.

СТАРЫЙ ГВАРДЕЕЦЪ.

Откуда Богъ послалъ намъ бабу?

САПЕРЪ.

Она была въ обозѣ... Маркитантка... Ея мужъ съ телѣжкой и лошадью утонулъ въ рѣкѣ. Я видѣлъ самъ, какъ они съ моста ухнули въ воду... Она выбралась, должно, изъ воды... Бабы живучи...

МАРКИТАНТКА [стонетъ].

Помогите мнѣ... Я умираю съ голоду...

СТАРЫЙ ГВАРДЕЕЦЪ.

Ты опоздала, тетка... Мы съѣли весь запасъ конины... Сами еле живы...

МАРКИТАНТКА.

Въ груди нѣтъ молока... Ребенокъ умираетъ... Мужъ утонулъ... Все погибло въ рѣкѣ... Господи, пошли мнѣ смерть!..

ТАНЯ [подходя къ маркитанткѣ и нагибаясь надъ ней].

Ты голодна?..

МАРКИТАНТКА.

Господи, пошли мнѣ смерть... Мой сынокъ умираетъ...

ТАНЯ.

Я сейчасъ принесу тебѣ кусокъ мяса... Дай мнѣ ребенка... Я закутаю его,—онъ полуголый... [Взявъ ребенка на руки, съ ужасомъ]. Боже, онъ мертвый... Онъ замерзъ!..

МАРКИТАНТКА [въ безумномъ отчаяніи].

Нѣтъ, ты лжешь!.. Онъ живъ... Отдай мнѣ его... Отдай!.. Онъ живъ!.. Я согрѣю его у своей груди!.. Отдай ребенка!.. Онъ мой!.. Отдай его мнѣ!..

ТАНЯ [успокаивая ее].

Не бойся, милая, за него... Я положу его въ медвѣжью шкуру и согрѣю... Не бойся... А тебѣ я принесу мяса...

МАРКИТАНТКА [съ жадностью].

Дай, дай скорѣй мнѣ ѣсть!.. Я умираю отъ голода!.. [Ложится у костра].

ТАНЯ [уходя съ ребенкомъ].

Потерпи минуточку... Я сейчасъ...

IV.

Тѣ же и солдатъ-понтонеръ.

У костра налѣво подошедшій понтонеръ, молча, неожиданно вырываетъ у сидящаго гвардейца кусокъ конины.

ГВАРДЕЕЦЪ [вскакивая на ноги, злобно].

Ты что, нахалъ, рвешь изо рта!.. Добудь самъ, лѣнтяй!.. [Бросается съ кулаками на понтонера].

ПОНТОНЕРЪ [замахиваясь топоромъ].

Только тронь!.. На мѣстѣ уложу!..

ГВАРДЕЕЦЪ [ворча, садится].

Счастливъ ты, что пропалъ мой пистолетъ, наглецъ!..

Понтонеръ, молча, жадно ѣстъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

СЕРЖАНТЪ [улыбаясь, понтонеру].

А сильно ты проголодался, землякъ!..

ПОНТОНЕРЪ.

Я десять часовъ стоялъ по грудь въ водѣ и чинилъ мостъ.

СЕРЖАНТЪ.

Жарко, поди, было...

ПОНТОНЕРЪ.

Обледенѣлъ весь... Насилу ноги унесъ. Не вѣрю, что живъ стою... Пробрался за маршаломъ Лефевромъ, а то пропалъ бы тамъ...

СЕРЖАНТЪ.

Тѣсно, поди, на мосту?..

ПОНТОНЕРЪ.

Чистый адъ!.. Маршалъ Викторъ приказалъ отступленіе... Всѣ бросились къ мостамъ... Все смѣшалось въ кучу... Люди, повозки, лошади пушки!.. Съ бою берутъ мосты... Вопль, стонъ, крикъ!.. Вдругъ второй мостъ рухнулъ подъ тяжестью орудій... Сразу груды тѣлъ очутились въ рѣкѣ... Запрудили трупами рѣку... Люди и обозы переходятъ по трупамъ, въ бродъ... Отсталые, какъ безумные, бросились къ первому мосту, гдѣ я работалъ... Повозки и артиллерія давятъ пѣхоту. Конница ѣдетъ по живымъ людямъ... Тѣснятъ другъ друга, свалива-

ютъ въ рѣку... Утопающіе хватаютъ стоящихъ на мосту и вмѣстѣ падаютъ!.. А съ берега подходятъ новые обозы, орудія, части войскъ... Непріятельскія бомбы градомъ осыпаютъ мостъ... То и дѣло, проклятыя, лопаются среди толпы!.. Люди такъ и валятся кругомъ... Не дай Богъ видѣть!..

СЕРЖАНТЪ.

Да... Я побывалъ въ Египтѣ... И, вѣрьте слову, видывалъ виды... А все-таки скажу: сравненія нѣтъ съ русской кампаніей... То были шутки!..

Вблизи слѣва раздаются ружейный выстрѣлъ и топотъ лошадей.

СЕРЖАНТЪ [вскакивая].

Казаки!.. [Присматриваясь]. Такъ и есть... Они обошли насъ... Переправились въ бродъ...

Общая паника среди французовъ. Они бѣгутъ въ разсыпную, кто куда.

СТАРЫЙ ГВАРДЕЕЦЪ [вскакивая].

Къ оружію, товарищи!.. Скорѣй!.. Въ лѣсу казаки!.. Къ оружію!.. [Увидавъ бѣгущихъ французовъ]. Куда вы, трусы!.. Стойте!.. Ихъ десятокъ, не больше!.. Къ оружію... Сомкнись дружнѣй!..

V.

Тѣ же и Таня.

ТАНЯ [выбѣгая изъ-подъ навѣса].

Ни съ мѣста!.. Положите оружіе!.. Не смѣть стрѣлять!.. Вы всѣ здѣсь больные въ лазаретѣ!..

СТАРЫЙ ГВАРДЕЕЦЪ [грубо].

Ты что за командиръ?!

ТАНЯ.

Я сестра милосердія въ вашемъ лазаретѣ!.. Русскіе не тронутъ раненыхъ и замерзающихъ... Умоляю васъ, — бросьте оружіе!.. Я ручаюсь, казаки не тронутъ васъ!.. Слушайтесь меня,—и вы спасены!

БОЛЬНЫЕ [упрашивая].

Слушайтесь ее!.. Она нашъ ангелъ-хранитель! Мы не разъ были обязаны ей жизнью... Послушайте ее, земляки... Она спасетъ насъ!..

СТАРЫЙ ГВАРДЕЕЦЪ [запальчиво].

Пока мои руки могутъ держать ружье,—я не отдамся казакамъ въ плѣнъ... [Прицѣливается и стрѣляетъ].

ТАНЯ [подбѣгая къ нему].

Что ты дѣлаешь, безумный!..

СТАРЫЙ ГВАРДЕЕЦЪ.

Да здравствуетъ Францiя!.. Да здравствуетъ императ...

Слѣва раздается ружейный залпъ. Старый гвардеецъ, не докончивъ возгласа, падаетъ впередъ. Таня, пошатнувшись, хватается рукой за плечо, на которомъ показывается кровь.

ОДИНЪ ИЗЪ БОЛЬНЫХЪ.

Боже, она ранена!.. [Подбѣгаетъ къ ней].

ТАНЯ.

Пустяки... царапина...

VI.

Тѣ же, Денисъ Давыдовъ и нѣсколько казаковъ.

Денисъ Давыдовъ, верхомъ, съ саблей на-голо, лихо влетаетъ слѣва на поляну; казаки за нимъ.

ДАВЫДОВЪ [громко].

Никто ни шагу!.. Положить оружiе!.. Казаки, заходи справа... Отобрать оружiе!.. Кто сопротивляется, убивать!

ТАНЯ [выходя впередъ].

Остановитесь!.. Здѣсь лазаретъ!

ДАВЫДОВЪ [пораженный].

Что такое?!. Вы русская?

ТАНЯ.

Да, я русская.

ДАВЫДОВЪ.

Почему вы среди непріятеля? Какъ вы попали сюда?

ТАНЯ.

Я была взята въ плѣнъ въ Москвѣ... Шла въ обозѣ до Смоленска... По дорогѣ меня бросили полуживую въ лѣсу. Главный докторъ французской арміи, Ларрей, подобралъ меня, вылѣчилъ, ухаживалъ за мной, какъ за родной... Съ тѣхъ поръ я здѣсь сестра милосердія...

ДАВЫДОВЪ.

Ваша фамилія?

ТАНЯ.

Татьяна Бахтина.

ДАВЫДОВЪ [привѣтливо].

Вы—Татьяна Бахтина!.. Невѣста—Сережки Сибелева!.. [Слѣзая съ коня]. Денисъ Давыдовъ!.. Я въ восторгѣ, что мнѣ выпала честь найти васъ... Я слышалъ о вашемъ подвигѣ...

ТАНЯ.

Не будемъ говорить обо мнѣ... Скажите, Давыдовъ, вѣдь вы не сдѣлаете зла несчастнымъ—больнымъ и полузамершимъ?

ДАВЫДОВЪ.

Они свободны... Чортъ съ ними!.. Васенко, собери отрядъ и поджидай меня въ лѣсу.

КАЗАКЪ ВАСЕНКО.

Слушаю, ваше благородіе!

ТАНЯ.

Спасибо вамъ, Давыдовъ!

ДАВЫДОВЪ.

Не на чемъ... Одно ваше слово спасло ихъ... Пусть убираются по добру, по здорову... А вы позволите мнѣ съ моими молодцами проводить васъ до нашей главной квартиры?

ТАНЯ.

Нѣтъ... благодарю васъ!..

ДАВЫДОВЪ.

Я васъ не понимаю... почему же?..

ТАНЯ.

Я останусь здѣсь... съ ними...

ДАВЫДОВЪ [пораженный].

Какъ!.. вы останетесь съ ними?!..

ТАНЯ.

Да... Моя мать умерла въ плѣну... Сережа разстрѣлянъ французами... Няня умерла... У меня никого не осталось...

ДАВЫДОВЪ [горячо].

Ваша матушка умерла въ плѣну, женихъ разстрѣлянъ... и вы остаетесь здѣсь—ухаживать за французами?!..

ТАНЯ.

Да, Давыдовъ... Послѣ всего, что я перенесла въ плѣну, пережила и передумала во время похода... Послѣ всего, что я видѣла въ лазаретѣ во время моей болѣзни, когда голодный французъ-солдатъ дѣлился со мной коркой хлѣба, я поняла, какъ глубоко былъ правъ мой отецъ, внушая мнѣ чувства любви ко всѣмъ людямъ... даже къ врагамъ своимъ... и рѣшила остаться здѣсь, съ ними... Я видѣла, Давыдовъ, много ужаса, страданія, но много и любви къ людямъ среди безчеловѣчныхъ жестокостей войны... Все это я пережила душой и поняла... Я дала обѣтъ посвятить жизнь мою на помощь страдающимъ людямъ... Здѣсь я нужна. Бо̀льшихъ несчастій я никогда и нигдѣ не увижу. Для меня теперь нѣтъ уже французовъ—враговъ моей родины, а есть только больные, полузамерзшіе люди... Имъ нужны мои силы, моя помощь... Всякій страдающій, несчастный, больной—мнѣ братъ... русскій онъ или французъ—безразлично!..

ДАВЫДОВЪ [падаетъ передъ ней на колѣни и горячо цѣлуетъ ей руку].

Вы — святая!.. Вы — необыкновенная женщина!..

ТАНЯ [скромно].

Я христіанка...

ДАВЫДОВЪ [растроганный].

Помоги вамъ Богъ до конца довести святое дѣло... [Смотря на Таню]. Но что съ вами?.. У васъ кровь на плечѣ... Вы ранены...

ТАНЯ.

Да, сейчасъ шальная пуля задѣла меня... Пустяки... [Безсильно опускается на камень].

ОДИНЪ ИЗЪ БОЛЬНЫХЪ [тревожно].

Докторъ!.. Ради Бога, скорѣй... Сестра ранена... [Поддерживаетъ Таню].

ТАНЯ [приходя въ себя].

У меня закружилась голова...

ДОКТОРЪ [осматривая рану].

О, ничего... Славу Богу... Рана не опасна... ничего...

ТАНЯ [бодро].

Правда, докторъ?.. Я не умру?.. Я теперь такъ хочу жить, какъ никогда еще не хотѣла!.. Теперь только я поняла, зачѣмъ дана людямъ жизнь!..

ДАВЫДОВЪ [садясь на коня].

А я хочу, чтобы пуля продырявила мнѣ башку... Самое время!..

ТАНЯ.

Вы уѣзжаете, Давыдовъ?.. Скажите нашимъ, что вы видѣли здѣсь... Передайте привѣтъ мой... Прощайте!..

БОЛЬНЫЕ [вмѣстѣ, окружая ее].

Ты не покинешь насъ?.. Ты не уйдешь съ нимъ?.. Наша сестра... ты нашъ ангелъ... спасительница!..

ТАНЯ [растроганная].

Я ваша сестра... Я остаюсь съ вами... Вернуться домой я еще успѣю...

ДАВЫДОВЪ [сердечно].

Пошли вамъ Господь силъ за вашъ подвигъ, дорогая!..

ТАНЯ.

Не подвигъ, Давыдовъ, а долгъ!..

ЗАНАВѢСЪ.

С. Красногоровка.
1903 г.

Цѣна 1 руб.

